

«Снова все испорчено. Ведь как должно бы быть: сначала у тебя появляется тайна, а потом ты преподносишь всем сюрприз. Но если живешь в семье, ничего не получается — ни тайны, ни сюрприза. Все всё знают с самого начала, так что никогда ничего веселого не получится».

Тове Янссон, «Повесть о последнем в мире драконе»

— Вы кто?!

Он мялся на пороге, не решаясь войти.

— А... вас не предупреждали обо мне?

Ответом на этот вопрос явилось возмущенное фырканье — должно быть, не предупреждали!..

Он ждал, скулы у него покраснели, и от неловкости вдруг стало очень жарко, а она не торопилась. Сложила бумаги, выровняла по краям и без того идеальную стопку, сцепила руки в замок — кисти крупные, ногти короткие без лака, — погрузила подбородок в волны шейного платка, завязанного почти по-пионерски, и уставилась на него поверх очков.

Он ждал в дверях — терпеливо.

— И что вам нужно?

Он улыбнулся, чувствуя собственное собачье заискивание. Он то и дело заискивал, особенно в последнее время.

— Моя фамилия...

— Дверь.

— Простите?..

— Закройте дверь.

Он помолчал секунду.

Как плохо все начинается!.. Как отвратительно все начинается. Хуже не придумаешь. Ему просто необходимо стать здесь... своим, и ничего не получается!..

Впрочем, у него вообще ничего не получается. Особенно в последнее время.

— Я могу зайти потом...

— Не нужно потом! — рыкнула хозяйка кабинета. — Вы уже зашли сейчас! Закройте дверь. Пройдите. Сядьте.

Вот на кого она похожа — на ефрейторшу из черно-белого фильма про войну! Ему всегда нравилось придумывать сравнения.

Он проделал все, как было велено: закрыл, прошел, сел, и очень неудачно! Оказалось, что кресло глубокое, вязкое, низкое, и теперь взгляд его упирался как раз в узел ее пионерского галстука. Чтoб добраться до лица, приходилось смотреть вверх.

— Вы кто? Автор? Если так, то вам на второй этаж, я авторов не принимаю.

Он вдруг развеселился — настолько, насколько позволяло его теперешнее положение.

— Почему... автор?

— У вас недокормленный вид, как у всех писателей. Или вы с бумагами от Канторовича?

— Моя фамилия Шан-Гирей. — Он облизнул губы, которые все время сохли. — И я новый сотрудник издательства.

Конечно, она ничего не услышала, кроме странной фамилии!..

— Ка-ак?!

— Шан-Гирей, — повторил он. — Пишется через черточку, то есть через тире. То есть через дефис. У Лермонтова, если помните, были родственники по линии бабушки как раз Шан-Гирейи...

— Да при чем тут дефис и родственники Лермонтова?! — Она сдернула очки. — Вы кто?!

— Я новый заместитель генерального директора. — Ей-богу, он чувствовал себя виноватым, как будто признавался в чем-то постыдном! — Я шел мимо, а у вас дверь была открыта, и я решил...

Очки шлепнулись на пол с дребезжающим звуком. Он кинулся их поднимать, но, пока доставал себя из кресла, она уже вынырнула из-под стола, зажав очки в руке, дико на него взглянула и схватилась за телефон.

Ну да, конечно. Следует немедленно все проверить. Какой, к черту, из него заместитель генерального! Того и гляди, милицию придется вызывать, а то и санитаров.

— Настя, соедините меня! Нет, прямо сейчас. — Она послушала немного. — Хорошо, я подожду. А вы сядьте, сядьте!..

Решив, что в кресло ни за что не вернется, он огляделся, обнаружил три стула, стоящих вдоль стены, сел на средний, справа пристроил

сумку, а слева куртку. Потом решил, что таким образом занимает слишком много места, и пристроил куртку на сумку. Потом еще немного подумал и взвалил весь ком себе на колени.

Хозяйка кабинета следила за его возней, не отнимая трубки от уха, — очень неодобрительно, немного даже с подозрением.

Видимо, на том конце линии что-то произошло, потому что выражение у нее моментально стало притворно-ласковым, нежным, как будто абонент из трубки мог воочию наблюдать «ряд волшебных изменений чудного лица».

— Анна Иосифовна, это я. Простите, что беспокою, но ко мне пришел человек, который утверждает, будто он ваш новый заместитель, а я ничего об этом не зна...

В трубке заворковало, довольно громко.

Слов он не мог разобрать, конечно, но понятно было, что говорят убедительно, даже настойчиво, и чем дальше, тем больше эта настойчивость повергает ефрейторшу в растерянность.

Растерянная ефрейторша — своеобразное зрелище.

— Хорошо, — сказала она так, как по уставу положено говорить «есть!»: ясно, громко, четко. — Поняла. Да. Сделаю все, что смогу.

Задумчиво постучала себя по ладони смолкшей трубкой, выбралась из-за стола, подошла к окну и уставилась на улицу.

Он ждал.

Ефрейторша спохватилась, подтянула узел шейного платка, смахивавшего на пионерский галстук, выдохнула, как будто хлопнув стопку, и повернулась к нему.

— Итак, здравствуйте! — Это было сказано до странности бодряческим тоном и так фальшиво, что ему вновь стало неловко. — Меня зовут Митрофанова Екатерина Петровна, будем знакомы.

Издали протянув руку, она двинулась на него, он вскочил, куртка полетела на пол, сверху плюхнулась сумка, из которой лениво, как будто неохотно, вывалились растрепанная записная книжка, какие-то разномастные карандаши, наушники и журнал с красивой девушкой на обложке.

Вместо того чтобы пожать протянутую руку, он начал бестолково собирать свое барахло и совать его обратно в сумку, а когда выпрямился, пожимать было нечего.

Она стояла словно по команде «вольно» и смотрела на него, похоже, с отвращением.

— Меня только что назначили, — сказал он, пытаясь оправдаться немного. — Анна Иосифовна, должно быть, просто не успела поставить вас в известность...

— Ну да, — согласилась Екатерина Петровна бесстрастно. — Ну да.

Полоумная старуха окончательно лишилась разума, вот что она хотела сказать на самом деле, и он отлично понимал это. Назначить такого заместителем — кем же надо быть?!

Ему не хотелось оправдываться, в последнее время он устал оправдываться, но то и дело приходилось!..

— Наверное, будет официальное представление, то есть даже обязательно, но я решил заранее...

— Насколько я понимаю, — перебила его Екатерина Митрофанова, — вы пришли на место Веселовского, то есть именно вы будете заниматься работой с авторами...

И тут она не справилась. Тяжело опустила на свой трон и взялась рукой за лоб.

— Господи-и-и, — протянула по-бабьи, — да что ж это такое? Как вас хоть зовут-то?..

— Алекс, — бухнул он по привычке, но тут же поправился: — Александр.

— Прэлэстно, — оценила Екатерина Петровна тоном Фаины Раневской, — еще и Алекс! Алекс Юстасу. Господи-и-и...

— Вы не переживайте так, — сказал он негромко. — На самом деле я нормальный.

И зря сказал!.. Впрочем, он часто говорил невпопад, особенно в последнее время!.. Она отняла руку ото лба, взглянула, и от ненависти и отвращения у нее затряслись губы.

— Анна Иосифовна, разумеется, вольна принимать любые решения! И обсуждать их с вами я не намерена! — Она помолчала немного, пытаясь справиться с собой. — Итак, у вас ко мне какой-то конкретный вопрос, Александр... как вас по отчеству?..

— Павлович. — Никто и никогда не называл его по отчеству в той, давней, жизни, которая была у него когда-то. В новой, по всей видимости, придется привыкать. — У меня нет никаких вопросов, Екатерина Петровна. Я просто хотел познакомиться.

— Значит, будем все решать в рабочем порядке, Александр Павлович, — подытожила Екатерина Петровна. — Или помощь вам не

нужна и вы все понимаете в работе с авторами и в издательском деле, как таковом?..

Эта казенная формулировка — как таковая — почему-то окончательно убедила его в нелепости всей затеи. Ему никогда не стать здесь своим, и ничего он не сможет с этим поделать, и ничего у него опять не выйдет, это уж точно!..

Слишком часто он думал, что ничего не выйдет, — особенно в последнее время!..

Прижимая к груди куртку, а к боку нелепо раззявленную сумку, он попятился к выходу, отчего-то не решаясь повернуться к хозяйке кабинета спиной, словно она являла собой Стену Плача, как вдруг дверь распахнулась, едва не поддав его по заднице, и на пороге показалась перепуганная тетка. В каждой руке у нее было зажато по мобильному телефону.

Она почти споткнулась об Алекса, но не обратила на него никакого внимания. Он посторонился, пропуская ее.

— Катя, — выпалила тетка, и глаза у нее внезапно налились слезами, — ты только не пугайся, но у нас... прямо здесь, в коридоре... Тебе, наверное, самой надо посмотреть...

— Что?! Что такое?!

— Человека убили, — зловещим шепотом договорила та и оглянулась по сторонам.

«Вот все и началось», — успел подумать Алекс.

Человек лежал ничком в комнатенке, заставленной железными шкафами. Дверцы шкафов были открыты, и внутри виднелись собранные в пуки пыльные провода, тумблеры и какие-то кнопки.

Люди в коридоре негромко переговаривались, но входить не решались и расступились как по команде, когда, громко топая, примчалась задыхающаяся Екатерина Петровна со свитой — начальником отдела женской прозы Надеждой Кузьминичной и неизвестным странным типом. Тип, завидевши труп, быстро ретировался в боковой коридор. Там он почему-то сел на пол, достал мобильный и нажал кнопку. Рука у него тряслась.

Стрешнев все время видел его боковым зрением.

А этот откуда взялся?

Митрофанова пятилась от лежащего тела, отводила глаза и с трудом сглатывала.

— Кто это?!

— Да неизвестно кто, Екатерина Петровна...

— Как неизвестно, когда он в этом... как его... ну, в форме! Где Сергей Ильич?

У Екатерины, оказывается, нервишки тоже наличествуют, потому что голос она возвысила почти до визга и очки на носу перекошились, сделав ее смешной и жалкой.

— Где начальник хозяйственной службы, я спрашиваю?! Позовите его кто-нибудь немедленно!

— Да его с утра не было, Екатерина Петровна. Он, кажется, на склад в Видное уехал и сегодня быть не собирался.

— Ну, тогда кого-нибудь, кто может знать этого... покойного! Найти быстро!..

«Напрасно она вопит, — подумал Стрешнев, — ох напрасно!.. Нельзя так расходиться на глазах у людей. И без того происшествие... неприятное. Трагическое, можно сказать».

Народ все прибывал, запах беды и сенсации волнами расходился по издательству. Повсюду хлопали двери, и коридор потихоньку начинал гудеть, заполняясь голосами, как растревоженный среди зимы омшаник.

— А крови-то... — бормотала Надежда Кузьминична. — Катя, там столько крови...

— Прекратить! Закройте дверь немедленно!

— Как же ее закроешь, если там у него... ноги!..

Труп действительно лежал так, что закрыть дверь было никак невозможно.

— А милиция? Вызывать?..

— Господи, да кто же его так?..

— Из спины торчит, видишь?..

— А это наш рабочий, что ли?..

Надежда Кузьминична протолкалась через гомонящую толпу, зажимая рот рукой, и кинулась в сторону туалета.

Неизвестно как здесь оказавшийся трясущийся тип что-то быстро говорил в мобильный телефон, и Стрешнев, который беспокоился все больше, решил подойти к нему.

— Вы кто?

Тип поднял светлые, совершенно больные глаза, мотнул головой и сказал в трубку:

— Все, я уже не могу разговаривать. Давай. Думай быстрее. Пока.

— Вы кто?!

Тот поднялся, придерживаясь рукой за стену. Какие-то вещи остались лежать на полу — кучей.

— Если вы журналист... — возвысил голос Стрешнев.

— Я не журналист, — выговорил тип неохотно. — Я новый сотрудник издательства. — Тут Стрешнев вытаращил глаза. — Моя фамилия Шан-Гирей, и навести обо мне справки вы можете у Анны Иосифовны.

Стрешнев не поверил ни единому его слову.

— А кому вы кинулись звонить так поспешно?

Новый сотрудник вытащил из кучи на полу объемистую сумку и зачем-то воздвиг ее на плечо.

— Я звонил своей девушке, — глядя Стрешневу в лоб, выговорил он. — Назначал свидание. Этого достаточно или вы еще что-то хотите узнать?..

— Саша! Саша, подойди сюда быстрее!

Стрешнев дернул шеей — отступать ему не хотелось. И запах беды, разлитый в коридоре, взвинчивал нервы, как будто с каждым вздохом струна все туже натягивалась на колок.

— Саша!!! Где Стрешнев?!

Зная, что Екатерина теперь ни за что не уймется, так и будет голосить, Стрешнев еще раз смерил бледного субъекта взглядом, чтобы у того не оставалось никаких сомнений в том, что поединок не окончен, и ввинтился в уплотнившуюся и разросшуюся толпу.

— Катя, я здесь. — И он понизил голос: — Что ты кричишь?..

— Нужно послать кого-то наверх, чтобы Анна Иосифовна сюда не подходила! Вообще что-то надо делать! Я не знаю, «Скорую», что ли, вызвать или милицию!

— И «Скорую», и милицию.

— Может, имеет смысл сначала Павлу позвонить?..

И они посмотрели друг другу в глаза.

Да. Такой шаг требовал серьезных обсуждений, а времени у них не было совсем.

— В любом случае придется звонить ментам! Даже если Павел...

— А что Павел, когда у нас тут... убийство?!

— Вот именно, — сказал Стрешнев значительно. — Вот именно.

Митрофанова перевела взгляд на толпу у него за плечом и вдруг заговорила громко и отчетливо, как на плацу перед строем:

— Значит, так. Никаких мобильных телефонов. Все убрать немедленно. Если кто-то вякнет хоть что-то в Интернете, найду и уволю по статье. Вы все прекрасно знаете, что так и будет!

Глазами она зацепилась за кого-то в толпе и спросила, еще прибавив голосу:

— Так, Олечка?!

— Так, Екатерина Петровна, — проблеяла Олечка из отдела русской прозы. Всем в издательстве было хорошо известно, что эта самая Олечка — «крутой блогер» и однажды ее блог прочитали целых сто человек. Это было событием.

— И я советую всем вернуться на свои рабочие места!

«А вот это опять напрасно, — подумал Стрешнев. — Все равно никто не вернется, а давать указания, которые никто не собирается выполнять, — глупо и ни к чему».

— Что здесь происходит?..

Екатерина Петровна вздрогнула, очки перекошились еще больше, и рот утратил четкие контуры, словно она собралась зарыдать. Стрешнев даже поддержал ее под локоть.

— Где Митрофанова? Стрешнев где?

Из конца коридора, заполненного народом уже до краев, как будто пошла приливная волна, сотрудники шарахнулись к стенам, к ним приблизился Павел Литовченко — владелец издательства «Алфавит», самого крупного в России и третьего в Европе, бог отец, бог сын и бог дух святой в одном лице.

Митрофанова быстро глянула на Стрешнева.

...Откуда он здесь взялся?! Мы же только собирались ему звонить! Или ты меня обошел на повороте и уже позвонил сам?! Если так — берегись. Не прошу.

Стрешнев отвел глаза.

Понятия не имею откуда!.. Он же почти никогда не приезжает! Впрочем, может, оно и к лучшему. Не придется звонить.

— Павел Николаевич, у нас здесь... несчастье!

— Как это случилось?

— Мы не знаем. Надежда Кузьминична зашла в этот коридор и вот... нашла. — Митрофанова обеими руками подтянула узел шейного платка, похожего на пионерский галстук. — Я собиралась вам звонить, а вы уже приехали, оказывается.

— Милицию вызывайте, — приказал Литовченко охраннику. — И службу безопасности сюда. Кто там? Беляев Володя?

— Он самый.

— Вот и его тоже. Кто убит, хоть определили?

— Да в том-то и дело, что нет! Он в комбинезоне, значит, из хозяйской службы, но начальник в Видном, и мы пока...

Давешний нервный тип вдруг материализовался из отхлынувшей толпы, выбрался на передний план и даже задел Литовченко плечом.

Митрофанова изменилась в лице. Стрешнев сделал движение, будто собирался схватить типа за шиворот. Литовченко посмотрел и посторонился. Его охранник что-то быстро говорил в мобильный, тоже взглянул без всякого интереса и отвернулся.

Тип присел на корточки и зачем-то уставился на ботинки лежащего ничком мужчины в комбинезоне.

— Анну Иосифовну уже успели перепугать?

— Павел Николаевич, я послала к ней людей, чтоб ее сюда не пустили, но, конечно, все уже знают, и она наверняка тоже.

— С ней никаких подробностей не обсуждать, — приказал владелец своим топ-менеджерам таким же тоном, каким они сами давеча приказывали остальным.

Блогер Олечка пришла в восторг и даже слегка пнула в бок Кириюшу из художественного отдела, который тоже славился любовью к Всемирной сети, и одними губами выговорила: «Получила, сука!» Справедливость, с ее точки зрения, таким образом хоть отчасти восторжествовала!..

Рассмотрев ботинки лежащего, тип перевел взгляд на лужицу темной крови, затекшую под железный шкаф, и Стрешневу, который не отводил от него глаз, показалось, что его сейчас вырвет.

— Вы бы шли отсюда, — Стрешнев ткнул типа в плечо железным пальцем, и тот оглянулся, но, кажется, ничего и никого не увидел.

— Да, — пробормотал он, — да, сейчас. Одну секундочку.

Вытянул шею и заглянул в комнатенку.

Почему-то следом за ним туда же заглянул и Литовченко.

— А что здесь вообще помещается? — Он повернулся и посмотрел на Митрофанову.

Екатерина Петровна под его взглядом заметалась, заглядывалась, боком, по-куриному отступила, стрельнула глазами в Стрешнева, но он ничем не мог ей помочь — или не хотел.

— Я точно не знаю... Кажется, какой-то склад.

— Склад чего?! Металлолома?!

Новый сотрудник со странной фамилией перешагнул через труп и оказался внутри.

— Скоро приедет Сергей Ильич и скажет, а я в хозяйственных помещениях не очень разбираюсь... — Она тревожно заглянула внутрь. — Послушайте, как вас там!.. Туда нельзя, вы что, не соображаете совсем?!

— Да, да, — отозвался изнутри давешний полоумный. — Я сейчас.

Почему-то ни Литовченко, ни охранник не обращали на него никакого внимания, волновались только Екатерина Петровна со Стрешневым.

Впрочем, что за дело может быть владельцу издательства, да еще в подобных обстоятельствах, до какого-то там празднующегося!..

— Удар-то, — себе под нос пробормотал охранник, — прямо в пень. Точнехонько. Шансов никаких.

— Нож?

— Нож. И такой... непростой нож, Павел Николаевич. Ручка видите какая?..

Екатерина Петровна изо всех сил отворачивалась от ножа, вытягивала шею, пытаясь определить, что делает в комнате новый сотрудник. Ей очень хотелось выместить на ком-нибудь собственные ужас и бессилие, и этот тип подходил как нельзя лучше.

— Послушайте, что вам там нужно?! Выходите оттуда! Вы разве не знаете, что до приезда милиции ничего нельзя трогать!

Новый сотрудник не отзывался, а переступить через труп Екатерина Петровна не решалась. В толпе у нее за спиной произошло движение, вдруг все неожиданно громко заговорили, зашевелились, и Литовченко весь перекосялся:

— Этого еще не хватало! Я же просил! Екатерина Петровна!

Пожилая дама со встревоженным лицом быстро подошла и ухватила владельца издательства за рукав.

— Анна Иосифовна, зачем вы пришли? — Он положил свою ладонь на ее наманикюренные пальчики, слегка пожал с осторожным и нежным уважением. — Не стоит на это смотреть. Сейчас приедет милиция, а вы пока возвращайтесь в кабинет. Вот... госпожа Митрофанова вас проводит.

Госпожа Митрофанова подалась вперед, демонстрируя полную готовность провожать старушку в кабинет.

— Павел, — отчетливо выговорила Анна Иосифовна, — ты понимаешь, что это означает?..

Это было сказано таким тоном, что люди вокруг смолкли, словно по команде.

— Я зайду к вам, как только разберусь здесь, — глядя ей в глаза, пообещал Литовченко. — А сейчас прошу вас!..

Она сосредоточенно кивнула, отцепилась от его руки, сделала шаг — все расступились, давая ей дорогу, — вдруг повернулась и остановившимся взглядом посмотрела на лужу крови.

— Нас же предупреждали, — как будто удивленно пробормотала она и стала валиться на бок.

Охранник подскочил и поддержал ее, Литовченко что-то заорал про врача, началась суматоха, и в этой суматохе новый сотрудник исчез из комнаты с трупом, как будто его и не было.

Всего неотвеченных вызовов оказалось пятнадцать. Три от Даши, два от матери, а остальные десять номеров ни о чем ему не говорили.

Матери он перезвонил сразу.

— Как твой первый рабочий день? Как тебя приняли?

Ему стало смешно.

— Да все отлично. Приняли с распростертыми объятиями. Сказали, что только меня и ждали.

— Алекс, что опять случилось?!

— Почему случилось? И почему опять?

— Потому что с тобой все время что-то случается!

— Мам, — морщась оттого, что вода с зонта лилась прямо ему в ботинок, сказал он, — все хорошо. Честно. Правда, там детектив какой-то... действительно случился, но он не имеет ко мне отношения.

Как раз детектив имел к нему непосредственное отношение, но говорить об этом матери он не стал. Он вообще то и дело недоговаривал, врал, изворачивался — особенно в последнее время!

— Какой... детектив? — опешила мать. — Который на бумаге писатель пишет или что-то на самом деле произошло?

— Произошла детективная история, мам, — бодро проинформировал он. — Я тебе сейчас не буду рассказывать, ладно?

Мать вздохнула. Сыновнее упрямство было ей хорошо известно.

— Ну и не рассказывай, не очень-то и хотелось!.. А ужинать приедешь?

— И ужинать я не приеду.

— Вредничаешь? — осведомилась она.

— Просто не приеду. — Он никак не мог сообразить, что нужно сделать, чтобы в ботинок лило не так сильно. — Уже поздно, а мне завтра на работу.

— Это хорошо, сынок, — вдруг сказала мать с силой. — Это очень хорошо, что тебе на работу! Сколько времени ты без работы просидел?..

— Мам, я тебе завтра позвоню, — быстро перебил он. — Ты ни о чем не волнуйся.

— Тогда, может, завтра с Дашей приедете? Будем широко отмечать твой выход на работу.

Алекс знал, он и завтра не приедет тоже, но соврал, что приедет. Вместе с Дашей.

Даше он перезванивать не стал.

Путь ему предстоял неблизкий — метро, две пересадки, потом автобусом среди громадных, до свинцовых небес, человеческих ульев, наполненных голосами, страхами, злостью, радостью, усталостью, унынием, надеждой, завистью, добротой, безразличием. Он чувствовал клубящееся месиво внутри ульев, как будто оно клубилось у него внутри, чужие эмоции давили на мозг, не давали покоя, будили его по ночам.

Даша утверждала, что он сумасшедший.

Все они в разное время жизни уверяли его, что он сумасшедший!.. И настал момент, когда он почти поверил в это.

Он брел вдоль громадного здания издательства «Алфавит» и уговаривал себя не думать о собственном помешательстве. Зонт то и дело цеплялся за ветки старых лип, которые в этой части Москвы почему-то еще не успели вырубить, и холодные капли падали на лицо и волосы, стекали за воротник. В ботинке хлюпало, и он точно знал, что завтра будет плох и простужен.

Он всегда простужался, стоило только промочить ноги. Даша говорила — нежен, аки красна девица!..

Итак, все случилось сразу же, как только он переступил порог издательства. У него даже не оказалось времени, чтобы подготовиться, а подготовиться следовало бы!..

Он вспомнил мертвого человека, лужу черной крови под ним — часть лужи уползала под металлический шкаф — и растерянных людей, толпившихся в коридоре. Еще бы!.. Такие происшествия, как правило, не происходят в добропорядочных учреждениях, да еще устроенных нарочито по-европейски — с просторными светлыми коридорами, переговорными комнатами, зимними садами, кактусами на подоконниках и длинноногими девушками, вышагивающими на шпильках по чистым лестницам в поисках лучшей доли!

Ему почему-то всегда казалось, что девушки в офисах заняты исключительно поисками лучшей доли и уж никак не работой, какой бы она ни была!..

Кем был погибший, так и не удалось установить, по крайней мере, Алекс понял это из разговора Митрофановой и того, второго, который, кажется, собирался схватить его за шиворот в коридоре. Митрофанова говорила громко и замолчала, только когда обнаружила, что он, Алекс, возится поблизости со своей вечно открывающейся сумкой и слышит каждое ее слово.

— ...откуда он вообще взялся, вот загадка! По фото его никто не опознал. Нигде нет о нем сведений — ни в нашем отделе кадров, ни у смежников! Ну, не с улицы же он пришел прямо в этом комбинезоне! И у нас в издательстве его вот так сразу пырнули ножом?! Ну так же не бывает!

Второй соглашался, поддакивал, кивал, а потом они увидели Алекса, замолчали как по команде и один за другим выскочили на улицу, словно боялись... что он подойдет и как-то скомпрометирует их своим присутствием. Вроде бы он не вполне приличный человек, что ли!..

Впрочем, его это не должно касаться.

У него есть задача, и он сделает все, чтобы ее решить.

Из пасти метро сильно и равномерно тянуло теплым сырým воздухом, пахнущим машинным маслом и человеческой толпой, он сунул под мышку мокрый зонт и стал спускаться в преисподнюю.

...Странно все.

Странно, что убитого так и не опознали. Странно, что никто из служащих не признал в нем знакомого, и — больше того! — никто и никогда его раньше не видел. Впрочем, может быть, это как раз вскоре выяснится, когда опросят всех, кто имел доступ в здание, — не только сантехников и дворников, но электриков, уборщиков, подсобных рабочих, ремонтников, лифтеров, садовников. За кактусами наверняка кто-то ухаживал! И ничего нет удивительного в том, что в отделе кадров этот человек не зарегистрирован. Его там и быть не может, если он приходил, к примеру, раз в месяц и менял во всех сортирах лампочки или протирал листья у фикусов!

Странно, что убили среди бела дня — зарезали, как в плохом сериале! В коридоре, где в любую минуту могли оказаться случайные свидетели!

И уж совсем непонятно, что именно ему понадобилось в этой комнате, заставленной железными шкафами.

Насколько Алекс мог судить, в нее после ремонта стащили все старое оборудование — неработающие серверы, стойки и шкафы для мониторов видеонаблюдения. Все это было пыльное, брошенное и уж точно давно не используемое. Зачем его туда понесло?..

Да, и ботинки! Вот в чем главная странность!

Вспомнив про ботинки, Алекс пошевелил собственными пальцами в собственном мокром ботинке и шмыгнул носом, проверяя, заболел он уже или еще нет.

Пока было неясно.

И удар ножом — точно рассчитанный, как сказали бы в том же дешевом сериале, профессиональный. Интересно, среди сотрудников Анны Иосифовны есть профессиональные киллеры или хотя бы работники спецслужб?..

Как плохо, что он не успел подготовиться! Как неудачно, глупо опять вышло! И человек погиб.

Поезд сильно качнуло, и какой-то дядька в кожаной куртке так приналег на него, что Алекс обеими руками схватился за поручень. Поезд опять качнуло, дядька почти повалился, и на этот раз Алекс ткнулся в поручень лбом — ощутимо.

— Прости, парень, — пробормотал дядька, обретая устойчивость, — как скотов возят, чесслово!..

...И еще там явно что-то лежало. На одной из металлических полок, заваленных проводами и прочим хламом, пыль была то ли стерта, то ли второпях смахнута, как если бы с полки сдернули какой-то предмет вроде записной книжки или конверта.

Интересно, заметили это приехавшие сотрудники милиции или нет?..

Странно. Как все странно и... угрожающе.

Алекс не мог допустить, чтобы что-то угрожало Анне Иосифовне.

С ней бы нужно поговорить, но сегодня это никак не возможно, да и завтра он вряд ли сумеет к ней пробиться!

...И еще эта тетка — Надежда Кузьминична, кажется, — обнаружившая труп. Как она там оказалась, в этом коридоре? Насколько Алекс понял, коридор никуда не ведет, заканчивается дверью на черную лестницу, которая давным-давно не используется и просто заколочена, как это часто бывает в старых домах. Зачем ее туда понесло?.. Туалеты за углом, у лифтов, а в этом коридоре только хозяйственные комнатенки вроде вентиляторных и кладовых!..

Мысль все время возвращалась к одному и тому же — не зря Даша утверждала, что он сумасшедший! Он думал «по кругу» — труп, ботинки, стертая пыль, коридор, и опять сначала.

Автобуса долго не было, Алекс сильно мерз, уже отчетливо осознавая, что заболевает, и на свою околицу — когда-то ему придума-

лось околицей называть конечную остановку — он прибыл в мелком температурном ознобе. Гадость какая.

В сумерках он почти ничего не видел. На свету и в темноте еще туда-сюда, а в сумерках слепнул, как крот. Эта особенность зрения имела какое-то научное название, даже довольно поэтическое, но он знал, что ничего поэтичного в этом нет, «куриная слепота», да и только!.. Зонт открывать не стал, перебрался через дорогу и зашагал вдоль очередного громадного — до небес, с которых все лило! — человеческого улья в сторону своего дома.

За спиной аккуратно скрипнули тормоза, и Алекс перебрался на тротуар. По нему следовало двигаться осторожно, автомобильные рыла были приткнуты почти вплотную к ограде, и их приходилось как-то обходить, а фонарь давно не горел.

Он повернул за угол, миновал освещенный квадрат асфальта у аптечного крыльца, опять вступил в темноту, и тут в голове у него вдруг что-то взорвалось с такой силой, как будто взорвался мозг, и разбил кости, и фонтаном вылетел наружу.

Алекс упал на колени, обхватив руками лопнувшую голову, но его подбросило вверх, и от следующего удара показалось, что разорвалось сердце. Спиной он угодил на металлическую оградку, но тут его спасла сумка!.. Сумка осталась на ограждении, а он перекатился на детскую площадку и встал на колени, хрипя и кашляя. Из рта что-то текло, и Алекс успел подумать, что очень некрасиво, когда течет из рта, и это надо как-то остановить.

Далее он почти ничего не помнил и не мог сопротивляться, потому что не понимал, чему и кому сопротивляться, и мир вокруг встал на дыбы, и оказалось, что он состоит только из дождя, песка и запаха его, Алекса, крови.

Потом ему примерещилась громадная черная собака или волк с горящими глазами, и чей-то медленный и вязкий голос, мягко толкнувшийся в лопнувшие барабанные перепонки, сказал над ним почти ласково:

— Не лезь не в свое дело!..

С утра пораньше Екатерина Петровна вызвала начальника ИТ-отдела и уволила его.

Не ожидавший ничего подобного, начальник как плюхнулся в кресло, так и остался в нем сидеть.

Со своего места Екатерина Петровна видела нелепо торчащие из кресла джинсовые колени, а прямо над ними перепуганные глаза.

— Да, но... я не понимаю ничего!..

Екатерина смотрела на него поверх очков — фирменный прием, знакомый всему издательству.

Потом выровняла перед собой и без того идеальную стопку бумаг, сцепила руки в замок и произнесла сухо:

— Извольте, я объясню. Вы допустили утечку информации, а я обещала, что уволю того, кто ее допустит. Вот и все. Вы уволены.

— Екатерина Петровна, — забормотал начальник, колени задвигались, он кое-как выбрался из кресла и предстал перед ней, прижимая к груди кулаки, — если вы о том, что фото нашего убитого выложили в инет...

— Стоп, — перебила Митрофанова, — что вы несете?! Какого такого нашего?! Может, он и ваш, но уж точно не наш! Его в издательстве никогда не видели, и он здесь раньше не был. И мы об этом заявили милиции! Я публично всех предупредила об увольнении, если фотографии появятся в Интернете. Вам что-то неясно?..

Начальник отдела моргал длинными, как будто покрашенными ресницами, и вид у него был до странности растерянный. Екатерине Петровне даже на секунду стало его жаль.

Ну что с него возьмешь?.. Нечего с него брать!.. Дурачок просто... как это говорится... попал под раздачу! Екатерина Петровна, как руководитель, отлично знала, что обещания следует держать, а угрозы выполнять неукоснительно. Чтобы все знали: обещали премию — дадут, угрожали уволить — уволят.

По-другому с людьми нельзя. Они по-другому не понимают.

— Екатерина Петровна, это же не я фотографии выложил! Ну, ей-богу, это даже странно!..

— Мне наплевать, кто именно их выложил, — отчеканила она. — Из-за них поднялся шум, того и гляди энтэвэшники нагрянут со своим расследованием! И я с руководством объясняться не желаю, кто там виноват. Вы отвечаете за программное обеспечение в издательстве. И за Интернет в том числе. Вы допустили утечку, с вас и спрос.

— Не допускал я никакой утечки! — заорал начальник IT-отдела так, что Екатерина Петровна чуть-чуть струхнула. — Да эти фотки, скорее всего, кто-то с домашнего компьютера отправил! Нет ничего проще! Я же не отвечаю за домашние компьютеры!

— Вы отвечаете за программное обеспечение, — повторила Митрофанова, — и больше я ничего знать не желаю.

Начальник отдела замотал головой, и ей показалось, что он сейчас или распахнется, или затопает ногами, как оскорбленный малыш в песочнице.

— Я не занимаюсь фильтрами, вы что, не понимаете?! Как я могу контролировать, что и кто именно выкладывает в Интернет?!

Она поднялась, упершись кулаками в идеально ровную стопку бумаги на столе.

— Вот за это, — сказала она, как ему показалось, с удовольствием, — я вас и увольняю! За то, что вы ничего не способны контролировать! Вы свободны.

— Я на вас в суд подам, — выпалил бывший начальник, и голос у него дрогнул, — вы права не имеете.

— Подавайте, — разрешила она. — Лично я советую вам написать «по собственному желанию», впрочем, как хотите.

— Я... я... к Анне Иосифовне пойду!

Она пожала плечами.

Всем в издательстве было хорошо известно, что генеральная директриса царствует, но не правит. Никаких серьезных решений она никогда не принимала и ни за что не отвечала. Единственным исключением стал невесть откуда взявшийся заместитель со странной фамилией и большими глазами, но с ним дело явно нечисто. Екатерина Петровна чувствовала подвох прямо-таки спинным мозгом.

Подвох и угрозу.

Минут через десять после того, как уволенный компьютерный начальник выкатился из ее кабинета, позвонил Стрешнев и спросил осторожно, не поторопилась ли она.

— До тебя уже добрался? — осведомилась Екатерина Петровна равнодушно. — Саш, обратно я его не возьму.

— Да он тут ни при чем совсем!

— Какая нам разница?! Самое главное, чтоб другим неповадно было. Особенно этим всем блогерам, «одноклассникам» и которые «вконтакте»! Спасения никакого нет от них.

Стрешнев помолчал.

— А работать кто будет? — осведомился он устало. — Мы завтра замену ему не найдем, а у нас специфика будь здоров! Он ведь за все

внутренние программы отвечает, и за железо тоже! У тебя завтра компьютер накроется, кто его будет чинить?

— Руководитель отдела мне его никогда не чинил, а сотрудники все на месте останутся. — Она говорила, прижимая плечом трубку к уху, и просматривала только что присланный график. Судьба компьютерного начальника перестала ее интересовать, как только он выскочил за дверь. — Кроме того, у него заместитель есть, насколько я помню. Вот, значит, заместитель и будет замещать. А что там с отгрузками в Твери?..

— Катерин, погоди ты с отгрузками!..

— Мне некогда годить, — отчеканила она. — У меня производство, а не институт благородных девиц! И я не хочу, чтобы по издательству, а тем более по Интернету ходили всякие гадкие слухи. Погибший не наш, как он сюда попал, неизвестно, делом занимается милиция. Точка. Так что с отгрузками?..

Это означало — разговор окончен.

Стрешнев, на том конце телефонной линии выведивший на липучей желтой бумажке слово «сука», украсил его цветочком и с силой прилепил в самый центр монитора.

Сука и есть.

Еще неизвестно, кто тогда, в день убийства, Литовченко вызвал!.. Если Екатерина, значит, есть что-то такое, о чем он, Стрешнев, даже не догадывается, и это опасно.

Если она решилась позвонить владельцу, значит, положение дел в издательстве всерьез изменилось, и Стрешнев должен был об этом знать, а он не знал.

Опасно. Очень опасно.

И с новым заместителем ясности никакой. Он появился в издательстве один раз, в день убийства, и с тех пор о нем ни слуху ни духу, а прошло уже несколько дней.

Откуда он вообще взялся?..

Анна Иосифовна никого не принимала и, по слухам, недомогала в своем загородном доме — аристократка, что с нее возьмешь! — и никаких разъяснений насчет заместителя сделано не было.

Милиция покрутилась на месте преступления довольно вяло, между прочим!.. Личность убитого так и не установили, откуда он взялся, не разобрались, сняли какие-то показания и тоже как в воду канули!..

Немного поговорив с Екатериной про отгрузки, Стрешнев отодрал от монитора желтую бумажку с цветочком и словом «сука» — от греха

подальше, донесут Митрофановой, хлопот не оберешься! — и задумчиво сжег ее в пепельнице.

Оба они пребывали в одинаковой должности — заместители генеральной директрисы, то есть недомогающей нынче Анны Иосифовны. Вот теперь и третий к ним добавился, тоже заместитель, интересно, где его откопали?

Восемнадцатый «первый вице-премьер», припомнилась ему какая-то давняя политическая шпилька, подпущенная журналистами в адрес слишком раздутого государственного аппарата.

Этот самый третий заместитель — кость в горле! До последнего времени их и было три, но Вадим Веселовский уволился, да еще не просто так, а со скандалом, который, правда, быстро замяли. Зачем опять понадобился третий заместитель, когда они вдвоем с Екатериной прекрасно руководили издательством все последнее время! И дело процветает, и совокупные тиражи растут, и авторы пишут, и книжные розничные сети счастливы — может, не все и не до конца, но счастливы же!..

Литовченко их работой всегда был доволен. Тогда зачем третий?.. И кто его назначил?! Директриса, которая никогда в жизни не принимала никаких решений?!

И что она имела в виду, когда прошептала над трупом трагически, как в кино: «Нас же предупреждали!»?.. О чем предупреждали?! Кого «нас»?! Ее и Литовченко?! Но это невозможно!

И сразу после этого она упала в обморок! В самый настоящий. Она не играла на публику и упала некрасиво, боком, прямо на руки охранника, юбка задралась почти неприлично. Упала от вида крови? От страха?..

Телефон деликатно пропиликал три раза, и секретарша тоже очень деликатно прошептала, что привезли «сигналы» — сигнальные экземпляры — за этот месяц. Может, Александр Николаевич распорядится послать за ними?

Александр Николаевич распорядился, напротив, никого не посылать и отправился сам. Сигнальные экземпляры привозили на пятый этаж, где царствовала — но не правила! — Анна Иосифовна. Ему было решительно нечего делать в кабинете директрисы, да еще в ее отсутствие, но он все-таки решил подняться — просто так.

Она занимала весь последний этаж, переделанный во дворец. Дворец венчал издательство, как кокошник голову русской красавицы.

Умен, ох, умен Литовченко, придумавший себе такую вывеску! Иностранцы и чиновники всех мастей и сортов приходили в неописуемый восторг.

Здесь были картины, резные столики и полосатые чиппендейловские диваны. Здесь была курительная, обшитая английским дубом девятнадцатого века. Здесь был зал для приемов с наборным паркетом и громадной люстрой, низвергавшейся с потолка хрустальным водопадом. На Новый год под люстру, в самый центр паркетной розетки, ставили ель, которую везли издалека, из Тверской губернии, наряжали старинными немецкими игрушками и зажигали витые канделябры возле камина — чтобы все было по-настоящему.

Имелась также библиотека со стремянкой и уютными кожаными креслами. У стремянки были латунные колесики с ободками зеленого плюша — чтобы не скрипели и не портили пола! — а в креслах лежали уютные пледы и подушечки. И здесь на самом деле можно было читать и даже писать. Маня Поливанова, полоумная детективная авторша, дожидаясь приема у Анны Иосифовны, там и писала по-настоящему!.. Ей приносили кофе, огромную чашку, и запах, горячий, острый, подвинув запах книг, заполнял библиотеку, а Маня сидела, подняв на лоб очки, и строчила текст в своем ноутбуке. Время от времени ее специально приглашали «поработать в библиотеке» — когда приезжали важные партнеры или начальники из правительства и Министерства печати.

Маня послушно приезжала, усаживалась писать, требовала кофе, ее демонстрировали публике, и все умилялись — надо же, какая необыкновенная обстановка в издательстве «Алфавит»! Созданы все, все условия для работы с авторами.

Созданы, разумеется, Анной Иосифовной.

Обстановку вокруг себя она и впрямь сотворила необыкновенную.

Все обожали и дворец с библиотеками и каминами, и ее самое, и так было заведено, что в издательстве она занимается только приятными делами. Сообщает авторам о повышении тиражей и, следовательно, гонораров, раздает награды — раздавать награды ее научили на семинарах в Швейцарии, которые она очень любила и не пропускала ни одного. Со времен вождя пролетарской революции все русские как-то особенно полюбили Швейцарию, именно как место для приятной и легкой работы, хоть революционной, хоть литературной, хоть какой! На обратной дороге утомленная семинарами директриса всегда заезжала на недельку в Виши или Баден-Баден отдохнуть и поднабраться сил.

Там, среди Альпийских гор и лужаек, ей и объяснили, что командный дух нужно укреплять и людей поощрять, и Анна Иосифовна с удовольствием укрепляла и поощряла.

Устраивались детские утренники и выставки свадебных фотографий, организовывались пикники с шашлыками и коньяками или — по сезону — лыжные прогулки с самоварами и блинами. Для молодежи, которой в издательстве было полно, отдельно — клубы, пиво, шары в боулинге покатать, на танцполе поскакать.

Анна Иосифовна ревностно и пристально следила, чтобы никто не был обижен и недоволен, чтобы ни один вновь родившийся младенец не остался без приданого и на Новый год все получили глупейшие конфетные наборы в пластмассовых или картонных елочках, а на Восьмое марта у каждой женщины на столе непременно появлялся букетик, и не каких-то там пошлых мимозок, а самых настоящих весенних первоцветов.

В первоцветах она отлично разбиралась.

В издательском деле не разбиралась вовсе.

Ей казалось, что все идет хорошо, потому что на Новый год елка, а на Первое мая маевка и Маня Поливанова пишет в библиотеке очередной роман. Она искренне в это верила, и никто ее не разубеждал.

Дверь в кабинет стояла настежь, и Стрешнев вошел, тихонько усмехаясь.

Здесь хорошо пахло и было очень тихо, словно в подводном царстве. Книги, картины, изящные безделушки, свежие розы в узорчатой высокой вазе — всегда.

«Сигналы» лежали на огромном столе, который в издательстве называли «львиный» — из-за лап, на коих покоилась тяжеленная мощная крышка.

Стрешнев лениво перебрал их, отложил свои, думая о том, как восторженно Анна Иосифовна всегда копается в книгах, и прижимает их к груди, и листает, и цитирует удачные пассажи, и качает головой, и на глаза у нее даже наворачиваются слезы умиления.

Старая карга сентиментальна и романтична, как тургеневская девушка!..

Он подошел к ее собственному столу, который, в отличие от «львиного», называли «бабкин». «Бабкин» стол был изящен и легок, девятнадцатый век, резьба по дереву, авторская работа, разумеется. Здесь тоже были безделушки, штучки, чернильные приборы — и никакого компьютера!.. Компьютеры генеральный директор первого издатель-

ства России решительно не признавала, считала пустой затеей и не знала, для чего они нужны.

Стрешнев подвигал безделушки, заглянул в чернильный прибор — чисто, ни пылинки! — зачем-то переложил журнал «Книжный бизнес», выпуск за октябрь, из-под которого вдруг разлетелись какие-то бумажки.

Он нагнулся их поднять и замер.

«Условия не выполнены, — было набрано крупным компьютерным шрифтом. — Время упущено. Казнь состоится по расписанию».

Стрешнев перечитал еще и еще раз.

«Условия остаются прежними, — гласила надпись на другом листе. — Сообщите, если они приняты. Советую не упрямиться. Глупость будет караться смертью».

— Елки-палки, — пробормотал Стрешнев и заглянул под стол. Там валялись еще листки, улетевшие довольно далеко, и он проворно полез за ними.

«Первая казнь состоится через неделю, — читал он под столом. — У вас есть еще время подумать. В серьезности наших намерений убедитесь послезавтра».

— Какая еще казнь?! Какие серьезные намерения?..

Он пополз за самым дальним листком, но на нем не было ничего, кроме одной буквы «С», напечатанной точно таким же шрифтом.

Стрешнев стал выбираться из-под стола на другую сторону и уткнулся носом в чьи-то ботинки.

Сердце сильно толкнулось в ребра.

— Вы кто?.. — негромко спросили сверху.

Екатерина Петровна попросила кофе, вытащила из пачки сигарету — решено было курить не больше десяти сигарет в день, и время от времени она разрешала себе маленький перерыв, как раз на сигарету, и только при распахнутом окне!

Курить в издательстве было строжайше запрещено, кроме «специально отведенных мест», очень неудобных, но Екатерина Петровна нарушала запрет, а Анна Иосифовна ей попустительствовала.

Кстати, следует позвонить директрисе, осведомиться о ее здоровье, настойчиво предлагать свою помощь в чем-нибудь таком, что непременно будет отвергнуто. А вечером, когда все разойдутся, нужно попробовать вызвать на разговор Сашу Стрешнева и попытаться выве-

дать у него, что он знает про убийство. В конце концов, она так и не поняла, откуда тогда там появился Литовченко!

Если ему позвонил Стрешнев, значит...

Что это может значить?..

Екатерина Петровна встала, подошла к окну, закурила и посмотрела вниз.

Ничего хорошего это ей не сулит. Скорее всего, Стрешнев обошел ее на каком-то повороте, а она проглядела, упустила, не поняла.

Ее любимым детективным автором всегда был Дик Фрэнсис, и она отлично знала — именно от Дика, — как важно не пропустить вперед другую лошадь. Может быть, ее и удастся догнать, но обойти уже вряд ли. Если она пропустила вперед Стрешнева, значит, ей вряд ли удастся обойти его на повороте.

А так не должно было случиться.

Он опасен, и она хорошо это знает.

Их партнерство закончится там, где начнется конкуренция, а Екатерина Петровна пока не понимала, началась ли она уже.

Дождь все шел.

В Питер бы полететь — там сейчас холодно, ветрено, серо, Нева взбаламученная, ошестиненная, как старая волчица, и ветер с Финского залива треплет ее седую шкуру.

Пассаж получился в духе писательницы Мани Поливановой, и Екатерина Петровна усмехнулась. Кстати, Маня вполне подходящий предлог для командировки, у нее там вот-вот презентация!.. Конечно, заместители генерального на авторских презентациях никогда не присутствуют, но для Митрофановой Анна Иосифовна всегда делает исключение. Знает, как она любит Питер, ну, и Поливанову, конечно.

В издательствах всегда от души любят авторов, которые дают хорошую прибыль.

Впрочем, сейчас не время для командировок, несмотря на то что в Питер очень хочется. Сейчас бы попытаться разобраться, что происходит в издательстве.

Как ни странно, убийство мало беспокоило Екатерину Петровну. Она была совершенно уверена, что это какая-то дикая случайность, со временем все выяснится и станет понятно, что к ним — то есть к издательству «Алфавит» — эта случайность никакого отношения не имеет.

Ну, например, повздорили два рабочих — оба из Киргизии и оба наркоманы. И эти наркоманы из Киргизии, собственно, в издатель-

стве никогда не работали, и нанимали их посторонние организации, которые моют полы и окна. Вот они и повздорили, и один ударил другого ножом. Насмерть.

Или так. Этот тип — рабочий из Таджикистана, естественно, наркоман — страдал падучей, а в заднем кармане у него был нож. В Таджикистане так принято, там у всех ножи. Он пришел проверять оборудование, тут с ним случился приступ, и он... напоролся на нож. Такие случаи известны, взять хотя бы царевича Дмитрия.

Ну, что-то в этом духе.

А вот почему была так взволнована Анна Иосифовна, по чьему вызову примчался Литовченко, кто такой этот третий заместитель и какого черта ему нужно в «Алфавите» — все непонятно.

Екатерина Петровна посмотрела по всем базам данных — не было человека по фамилии Шан-Гирей в издательском бизнесе, никогда не было! И в смежных направлениях он тоже не обнаружился — ни на телевидении, ни в рекламе, ни в прессе. С такой фамилией никуда не скроешься, а она нигде и ни у кого не упоминалась. Вряд ли он работал где-то под другой фамилией, он же не писательница Поливанова Маня, которая творила под псевдонимом Марина Покровская!..

Сигарета кончилась, и Екатерина Петровна грустно потушила в пепельнице окурочек — никакого удовольствия не получилось, и перерыва тоже, все только мысли, и мысли скользкие, дрожащие, как капли на окне.

Когда позвонила Настя, секретарша с пятого этажа, Митрофанова уже плотно устроилась в кресле, подперла подбородок кулачком и погрузилась в очередную порцию сводок, которые непременно нужно охватить до сегодняшнего совещания.

Настя перепуганным, даже каким-то придушенным голосом попросила Екатерину Петровну подняться к ним и тут же бросила трубку.

Митрофанова ничего не поняла. Она вдруг перепугалась так, что у нее похолодело в груди, за отворотом плотного синего пиджака. Кажется, именно за этим отворотом полагается быть сердцу, Митрофанова точно не знала.

— Что там могло случиться?.. — зачем-то вслух спросила она сама у себя, суетливо покопалась на столе, выкопала мобильный телефон и еще какие-то графики — как будто ее приглашали с данными о продажах последней книги Покровской! — и выскочила в коридор.

Ничего не происходило. Все как всегда — пахнет кофе и особым запахом громадных копировальных машин, на которых распечатывали

макеты, и еще немного сигаретным дымом. Кто-то, кроме нее, у них пошаливает, несмотря на строжайший запрет Анны Иосифовны! Блогерша Олечка, попавшаяся навстречу, едва кивнула — понятно, она оскорблена из-за уволенного айтишного начальника. Редакторша из отдела фантастики пробежала было мимо, но вернулась с каким-то вопросом. Екатерина Петровна не стала ее слушать.

— Потом, все потом!..

Лифта, как назло, не было очень долго, и она ринулась пешком, на ходу похвалив себя за то, что никогда не носит легкомысленные каблучки, а всегда только устойчивые, прямоугольные и ни в коем случае не высокие, а «средние».

Она ненавидела «средние» каблуки и всю жизнь носила только такие.

Задыхаясь, она ворвалась на пятый этаж.

— Настя, что у вас случилось?!

— Александр Николаевич просил вас подняться. Он... он в кабинете. — Секретарша выглядела испуганной. — Только он там... не один.

— С кем? — Митрофанова перевела дух, обрела привычный голос. — Анна Иосифовна приехала?

И приостановилась. Сердце за левым отворотом пиджака опять похолодело. Если так, дело плохо. Если начальница приехала и вызвала Стрешнева, а она об этом даже ничего не знает, значит, борьба уже идет полным ходом и его лошадь обошла ее на полкорпуса!..

А если там Литовченко?..

— Никто не приезжал, — пропищала Настя.

Ничего не понимая, Екатерина Петровна распахнула одну створку резной кабинетной двери, вошла, печатая шаг, как солдат на параде, и замерла.

По кабинету метался Стрешнев.

В директорском кресле сидел внезапно появившийся третьего дня и так же внезапно исчезнувший впоследствии новый заместитель и водил носом по каким-то бумагам.

Теперь он материализовался почему-то на директорском месте. Екатерина Петровна судорожно сглотнула.

— Что здесь происходит?!

Стрешнев отчетливо зафыркал. Шан-Гирей поднял глаза.

— Здравствуйте, — сказал он, помедлив.

Митрофанова кивнула молча, и он опять уткнулся в бумаги.

— Саша, что происходит?!

— Вы знали об этом?..

Шан-Гирей протягивал ей какой-то листок. Она взглянула, не приближаясь, и повернулась к Стрешневу. Она вообще вела себя так, как будто никакого третьего не было в кабинете.

Этот третий, которого как бы и не было, помедлил, выбрался из-за стола и двинулся к ней, слегка прихрамывая и держа листок в вытянутой руке. Третьего дня он не хромал, насколько она помнила.

— Саш, ты можешь мне что-нибудь объяснить?..

— Почитай, — буркнул Стрешнев. — Почитай, интересно.

Митрофанова брезгливо взяла листок двумя пальцами, повернула к себе и прочитала не слишком длинную фразу. Лицо у нее изменилось, и она прочитала еще раз, на этот раз шевеля губами.

Алекс внимательно смотрел на нее.

— Что это такое? — спросила Екатерина Петровна и бросила листок на «бабкин» стол. — Где вы это взяли?!

— Это я взял, — сказал Стрешнев из-за ее плеча. Она оглянулась. — Да-да, точно тебе говорю!.. Я пришел за «сигналами», потом решил журнал посмотреть, он вот тут лежал, на краешке, — он показал, где именно лежал журнал, — а под ним были вот эти бумажки. Нет, ну это дикость какая-то!..

— Так, — сказала Митрофанова мертвым голосом и боком села за другой стол, «львиный». — Это все? Или еще что-нибудь есть?..

Стрешнев хмуро кивнул на нового сотрудника. Тот подал еще два листочка. Митрофанова прочитала и эти два.

— Что за казнь?.. Что за предупреждения?.. Какие намерения?! Что значит — «казнь через неделю»?! О чем вообще речь?!

Стрешнев пожал плечами. Он все ходил вдоль стены, не вынимая рук из карманов. Ему не хотелось, чтобы Митрофанова узнала, как он сидел под столом, а этот хромоногий и бледнолицый выскочка спрашивал у него: «Вы кто?!»

Митрофанова на него оглянулась и перевела взгляд на Шан-Гирея.

— Так, — повторила она на этот раз голосом гранитным. — А вы-то тут как оказались?

— Я... просто зашел.

— Вы вот так просто взяли и зашли в кабинет генерального директора?! Что за ерунда?! Даже я себе никогда этого не позволяю!..

Шан-Гирей вяло пожал плечами, и Екатерина Петровна моментально поняла, что сделала ошибку. Стрешнев остановился у нее за спиной и, кажется, даже рукой махнул с досады.

Нельзя, нельзя так резко! У них нет никакой информации, кем на самом деле является этот новый заместитель! Все слишком сложно и непонятно, и поставить его на место в данный момент невозможно хотя бы потому, что ни Стрешнев, ни она сама так и не понимают, что это за место.

— Так, — Екатерина Петровна сцепила руки в замок и положила прямо перед собой. Ей нужно было собраться с силами. — Хорошо. Вы думаете, это какие-то... реальные угрозы?..

Шан-Гирей опять помолчал. Он вообще никогда не отвечал сразу, она заметила.

— Я не знаю. Я просто читаю то, что написано. А написана... да, угроза.

— А я думаю, — начала Митрофанова упрямо и глянула на подметные листки, — что это никакая не угроза, а просто глупость. Или дурацкая шутка.

— Так бывает только в романах. Плохих. — Шан-Гирей вернулся за «бабкин» стол. Как на свое место вернулся! — Там всегда предупреждают о готовящемся преступлении, а полиция считает, что это просто глупость. Или дурацкая шутка.

— Да нет, если бы Анну Иосифовну это беспокоило, я бы знала!.. Мы бы знали, — поправились она тут же.

— Не факт, — отозвался Стрешнев, и она оглянулась и посмотрела ему в глаза. Тот чуть заметно покачал головой.

Мы с тобой все обсудим, но потом, вот что означало это его движение. Ты и так ведешь себя крайне неосторожно.

— Есть только один выход, — третий заместитель пожал плечами. Он вообще то и дело пожимал плечами, Митрофанова и это заметила. — Спросить у нее самой.

— А вы что? Из милиции, чтобы вопросы задавать?! — не выдержал Стрешнев. — Сокол с места, ворона на место? Вы у нас теперь... главный по расследованиям?

При упоминании вороны с соколом Алекс поглядел на Стрешнева с изумлением, даже как будто испуганно.

Стрешнев же на него не смотрел, а обменивался знаками с Митрофановой.

— Я еще хочу задать вопрос вам. Про камеры, — неожиданно сказал Шан-Гирей, и они оба уставились на него. — В том коридоре камер, конечно, никаких нет. А где они есть?..

— Камеры? — быстро переспросила Митрофанова. — Какие камеры?.. В каком коридоре?..

— Видеонаблюдения. Там, где убили человека, камер нет, это ясно. А где они есть?

— Господи-и-и, — выдохнула Екатерина Петровна, — что за вопросы?! Ну на входе есть, у лифтов, возле копировальных машин обязательно.

— На лестницах еще, — подхватил Стрешнев.

— Но это надо у начальника службы безопасности узнать! Он лучше знает.

— А убийца?.. — помолчав, спросил Шан-Гирей и посмотрел по очереди на каждого. — Он тоже у начальника службы безопасности спросил, где именно есть камеры, а где нет?..

— Ка... какой убийца?

— Тот, который несколько дней назад убил здесь человека.

— Это убийство, — выговорила Митрофанова по-ефрейторски, — не имеет к нашему издательству никакого отношения. Это несчастный случай. Или трагическое недоразумение. Вы поняли?..

Алекс вдруг всерьез разозлился. Он терпеть не мог подобный тон — дурацкого, упрямого, тупого всезнайства. Он не верил людям, которые осведомлены обо всем лучше всех на свете. Он точно знал, что на любой вопрос существует десять ответов, и все они так или иначе правдивы, и у любой медали не две, а по крайней мере восемь сторон.

Можно сколько угодно представлять себе жизнь плоской, крохотной и пустяковой, как пятикопеечная монета, — ровно до той поры, пока не выяснится, что она глубока и безгранична, как озеро Байкал. Только выясняется это, как правило, когда уже поздно бывает спастись!

— Убийство не имеет отношения к издательству, — он облизал губы, которые высохли от злости, — эти записки не имеют отношения к Анне Иосифовне. Но тем не менее человека убили, а записки лежат у нее на столе!..

— Хотел бы я знать, как они к ней попали, — сказал Стрешнев задумчиво. — Распечатать их она не могла никак — она на компьютере не работает и не работала никогда! Значит, кто-то принес.

— Может, по почте прислали? — втягиваясь в дурацкое расследование, спросила Митрофанова. — В конверте?

— Нет. — Шан-Гирей кивнул на листки. — Они не помяты, и их не складывали. Точно не по почте. И секретарша вряд ли...

— Да уж! Если бы Настя принесла, все издательство было бы в курсе.

Где-то приглушенно, как будто из-под пола, зазвонил телефон, и Алекс, кряхтя, полез под «бабкин» стол. Долго шарил в сумке, а потом по карманам куртки. Все это — и куртка, и сумка — было брошено на полу рядом с креслом, в котором он сидел.

Стрешнев, показав глазами на его согнутую спину, покрутил у виска пальцем.

Митрофанова покивала, соглашаясь, но не слишком уверенно. В данный момент ей решительно не казалось, что новый заместитель ненормальный.

Он вел какую-то сложную игру, и им еще предстоит разгадать, какую именно.

— Да, — послышался голос из-под стола. — Привет. Мне сейчас не очень удобно говорить. Я тебе перезвоню.

Он выбрался, неловко запихнул телефон в передний карман джинсов — они смотрели на него, как ему показалось, с ненавистью, — вздохнул и сказал:

— Я пришел сюда, потому что Анна Иосифовна попросила меня зайти к ней сразу же, как только я окажусь в издательстве. Так получилось, что я появился здесь лишь сегодня. Я не знал, что ее нет. Поверьте, я не лазутчик.

— Тогда кто вы? — быстро спросила Митрофанова, и у нее загорелись щеки.

Он вдруг понял, что ефрейторша гораздо моложе, чем показалось ему на первый взгляд. Лет тридцати, может. И щеки у нее загорелись, как у нормальной молодой взволнованной женщины.

Странная история. Разве ефрейторша может быть молодой и взволнованной?

— А вы уверены, что Анна Иосифовна не пользуется компьютером?.. — спросил он, обращаясь к этой женщине.

И ответила ему она же, никак не ефрейторша:

— Абсолютно точно не пользуется! Все издательство об этом знает! Она всегда говорит, что у нее от монитора голова раскалывается и глаза слезятся. Мы все документы ей только на бумаге показываем.

— Ну да, — согласился Шан-Гирей, помолчав по своему обыкновению. — Однако компьютерная розетка у нее под столом есть. И сетевая тоже.

Митрофанова выпрямилась и воззрилась изумленно, и Стрешнев тоже посмотрел с интересом.

Алекс, у которого болели все мышцы, даже под волосами болело, кое-как вытащил себя из-за стола, с трудом нагнулся и стал собирать свои пожитки.

Было еще кое-что, о чем он не стал им говорить.

Когда загадочные листы разлетелись из рук Стрешнева — Алекс отлично видел это из-за книжного шкафа, — их было четыре. А сейчас на столе лежало только три.

Проклятый телефон зазвонил, когда Алекс выбирался из маршрутки. Выбраться и так было нелегко, от усилий и неотпускающей боли он даже взмок немного — а тут как назло!..

Он нашарил было аппарат, но сделал неловкое движение, от которого бок словно проткнуло горячим и острым. Телефон полетел в лужу, и из маршрутки закричали:

— Эй, парень!.. Стой, стой!.. Зонт забыл!

Пока он соображал, какой-то дедуся, нагнувшись и наполовину высунувшись из маршруткиного нутра, ткнул его зонтом все в тот же бок, весьма ощутимо.

— Налижуся с утра пораньше, на ногах не стоят!.. Тунеядцы проклятые!.. И палку какую специальную завел, чтоб людям мешаться!.. Забирай, ну!..

Алекс перехватил длинную, тяжелую клетчатую трость, купленную когда-то в Лондоне. Зонт любимый, и потерять его было бы жалко.

— Извините, пожалуйста, — пробормотал Алекс.

Дедуся возмущенно фыркнул, изо всех сил бабахнул дверью перед самым его носом, маршрутка, зарывав натужно, заскакала по колдобинам, и Алекс остался один на пустой дороге.

Проводив маршрутку глазами, с трудом нагнулся и подобрал телефон. Тот был мокрый, в песке и, естественно, не работал.

Даша всегда говорила, что он не умеет обращаться с вещами, не ценит и не любит их. Еще она говорила, что людей он тоже не любит, не ценит и не умеет с ними общаться, и он знал совершенно точно, что это правда.

...Теперь куда? Направо или налево?.. Налево или направо?

На той стороне шоссе стояли какие-то указатели, но отсюда Алекс никак не мог разглядеть, что именно на них указано, и потащился через дорогу — посмотреть.

Так. Деревня Юрьево налево, три километра. Деревня Козлово направо, и всего полтора. Куда лучше податься — в Юрьево или в Козлово?.. Должно быть, в Козлово лучше. Ближе.

Он вдруг захохотал, закинув голову к низкому небу, — один на пустой осенней дороге. Вечная история. Он везде забывал записные книжки, никогда не помнил адресов, проезжал свою остановку и путал имена.

И позвонить никак не возможно, телефон-то не работает!..

Его должны были встречать, Анна Иосифовна проворковала в трубку, что распорядится на этот счет: «Вы ни о чем, ни о чем не волнуйтесь, Алекс!» Он поблагодарил ее и уверил, что не стоит, но она настояла. Все это было прекрасно и очень любезно, но никаких встречающих на пустой дороге не оказалось, а он, едва договорив с ней, тут же забыл, куда ему нужно — все же в Юрьево или в Козлово!..

Он вернулся на остановку, посмотрел на лес — темный, непрозрачный, густой, такой бесповоротно осенний, — сунул замерзший нос в поднятый воротник куртки и пристроился на влажную, холодную лавочку внутри обшарпанной автобусной остановки.

«Сейчас я посижу немного, соберусь с мыслями, заодно, может, вспомню: Юрьево или Козлово, и пойду потихоньку, а там как-нибудь разберусь. А что еще делать?..»

Болело в голове и в боку, и Алекс рассеянно потрогал место под волосами, которое ныло.

В последний раз его били в армии, изошренно, с удовольствием, с огоньком даже, а он тогда был миролюбив, как щенок, — глупый, домашний мальчишка, уверенный, что окружающий мир не может быть жесток и несправедлив к нему. К нему, которого так любят родители, и бабушка, и брат, и друг Димка, и девочка Маша, и собака Джек!.. От этой уверенности он был ни к чему не готов — и поплатился.

Как он потом ненавидел себя за... неготовность, доверчивость, идиотскую веру в то, что все люди на свете «нормальные»! Может, кто-то лучше, кто-то хуже, но все равно ведь «нормальные»!

И тех ненавидел тоже.

Ненавидел, мечтал отомстить, строил планы этой самой мести — наивные, детские, уж точно невыполнимые, сладко придумывал, что

выхватит из-за пояса меч-кладенец и снесет головы подонкам и ублюдкам, пинавшим его сапогами!..

Только никакого меча не было на поясе, а подонки и ублюдки оказались сильнее.

С тех пор прошло двадцать лет, и он снова оказался не готов!..

Кровь ударила в голову так тяжело и сильно, что стало больно в ушах, он стремительно поднялся с лавочки и пошел непонятно куда. В глазах плыло и дрожало — от ненависти. Не той детской, мальчишечьей, выползшей из сознания, как старый удав, а от настоящей, взрослой, требующей немедленного утоления, похожей на молодую кобру.

Он знал, что утолить ее будет непросто.

Его снова били, а он ползал на коленях по детской площадке. Его били, а он только закрывал руками голову, почти теряя сознание от боли. Его били, а он даже не мог сопротивляться, потому что был не готов — опять, опять, как двадцать лет назад!..

Алекс распахнул куртку, ему стало невыносимо жарко, только руки были ледяными — от ненависти.

Он найдет и уничтожит того, кто так его унизил. Найдет, чего бы это ему ни стоило, и тогда еще посмотрим, удастся ли змеям, впившимся ядовитыми зубами в сознание, сожрать его до конца! Правда, он сам не знал, много ли в нем осталось... человеческого и сколько останется к тому времени, когда борьба будет окончена.

Может, и бороться не имеет смысла?..

— Здравствуйте, — сказали за его спиной, и он повернулся резко, всем корпусом, сжимая ледяной рукой свой тяжеленный зонт. — Меня Анна Иосифовна прислала. За вами, что ли?..

Машина стояла очень близко, а он и не слышал, как она подъехала, — должно быть, от звона в ушах!..

— Садитесь.

Алекс постоял, прогоняя ненависть — и старого тяжелого удава, и молодую стремительную кобру, — и забрался внутрь.

— Чего ж вы с остановки-то ушли? Анна Иосифовна сказала, что вы на остановке будете!

— Ну да, — согласился Алекс, глядя в окно.

Водитель покосился на него и покрутил головой — странный какой-то парень, не то больной, не то просто не в себе. Впрочем, хозяйка привечала всяких, еще и не такие приезжали! Она уважительно говорила

о них, что — писатели, художники, но водитель, тертый калач, был уверен: все эти художники от слова «худо». А уж писателей нынче развелось столько, что вот кинь камень в собаку, а попадешь в писателя, и все они попросту морочат хозяйке голову. На жалость бьют, а она легковерная очень, тоже малость не от мира сего!.. Нет, добрая, конечно, душевная, грех жаловаться, но юродивая маленько. Вот почему оно так в жизни, а?.. Сплошная несправедливость! Такие бы деньжищи ему, а не полоумной бабке! Уж он бы знал, как с ними управиться!.. Писателей с художниками всех поразогнать, нахлебников этих, особняк в деревне продать к чертовой матери, завести автомойку и кафешку с музыкой — вроде бизнес, — купить квартиру в Сочи и зажить по-человечески. Ан нет!.. Бабке все, а ему, молодому, здоровому, предприимчивому, ничего, знай баранку крути. Вот почему так выходит, а?..

Машина миновала лес, перелетела по мосту речку и въехала в аккуратный поселочек, очень веселый. Домики все были справные, ухоженные, заборы целые, не завалившиеся, кое-где в палисадниках еще цвели поздние хризантемы.

— А это Юрьево или Козлово? — вдруг спросил пассажир, глядя в окно.

Водитель опять фыркнул — довольно громко, чтоб тот уж точно фыркать услышал.

— Козлово в другой стороне, — и он махнул рукой, показывая, в какой именно. — А до Юрьева не доехали еще!

Художник или писатель, что ли, на него даже не взглянул, все продолжал в окно тарашиться, вроде там чего интересное было!..

Анна Иосифовна жила далеко от дороги, и какое-то время машина катила по сельским улочкам, тихим, пустынным, по-осеннему умиротворенным. Здесь, в глубине, дома были богаче, заборы выше, ворота тяжелее.

Ворота, в которые въехала машина, оказались еще и в некотором роде произведением искусства, со шпильями, башенками, пиками и литыми розами. За ними простирался пожелтевший газон, а за газоном шли аккуратно подстриженные кусты, и крыша беседки угадывалась между соснами, и вдалеке на чистой веселой плитке под чугунным фонариком стояла онегинская скамья.

Ай да Анна Иосифовна!..

Сама хозяйка ожидала его на крылечке, придерживала на груди белый пуховый платок, самоцветные перстни благородно играли

и переливались на ухоженной, совсем не старческой руке, облитой жидким лучом осеннего солнца.

Алекс вздохнул. Картинка была хорошо продуманной и очень красивой.

— Здравствуйте, Анна Иосифовна!

Он взбежал на крыльцо и галантно приложился к ручке. Гусарствовать в полной мере не позволял ноющий бок, но он старался изо всех сил.

— Алекс, душа моя, что это у вас телефон выключен?.. Я беспокоилась! И вы бледны! Или мне показалось?..

— Показалось, Анна Иосифовна. — Твердо глядя ей в глаза, он улыбнулся, и она моментально поняла, что расспрашивать не стоит.

— Я зажала совсем! Коля вас сразу нашел?..

— Спасибо за заботу, Анна Иосифовна, все отлично.

— Пойдемте в дом, на улице сегодня совсем холодно. — Она обвела любовным взглядом сад. — А какое жаркое было лето! И осень, слава богу, настоящая, как у Бунина. Я, грешным делом, люблю все настоящее. Подделок не терплю.

Это Алекс уже давно понял. Главного пока не понимал: сама хозяйка — настоящая или подделка?..

В доме пахло полиролью и свежим хлебом. Солнце плескалось в натертых до блеска квадратиках паркета. В круглой вазе посередине стола сияли лохматые разноцветные астры.

А где ж камин?.. Камин непременно с мраморной полкой, уставленной штучками и фигурками? И рядышком кресло-качалка с уютным пледом, чтобы особенно приятно читалось и легко думалось?..

Вместо камина была самая настоящая печь, занимавшая весь простенок. Алекс подошел и стал рассматривать голландские изразцы с изображениями парусных лодок, шкиперов в зюйдвестках и рыбаков с сетями.

— Нравится, Алекс?..

— Очень! — Он обернулся, глаза у него блестели. — Очень!

— Вот и славно. Вам чаю или лучше кофейку?..

— А?.. — Он осторожно трогал плитки, как будто боялся, что они рассыплются. Плитки были теплыми, нагретыми солнечными лучами. — Мне... чаю, наверное.

— Или все же кофе? — И хозяйка рассмеялась уютным довольным смехом.

Ей нравилось, что этот странный человек рассматривает ее покои с таким искренним восхищением. Все люди для нее делились на тех, кто «понимает», и тех, кто «не понимает». «Непонимающие» изгонялись из ее жизни раз и навсегда.

«Я слишком стара, — говорила в таких случаях Анна Иосифовна, — чтобы тратить остаток дней на разных болванов!»

Александр Шан-Гирей, кажется, как раз «понимал» и явно был не болваном.

— Алекс?..

— Да-да. Сию минуту, Анна Иосифовна.

Ему как будто жаль было расставаться со шкиперами, моряками и Северным морем, где холодный ветер надувал тугие паруса. У его бабушки Лели когда-то была книжка со старинными гравюрами, на которых как раз изображались бриги и клиперы и холодный ветер точно так же надувал их черно-белые паруса!.. Куда-то она подевалась после того, как бабушка умерла, и Алекс никогда ее больше не видел.

Он постоял еще немного, провел кончиками пальцев по теплым изразцам, повернулся и замер.

Хозяйка смотрела на него внимательно и настороженно, исподлобья, и в ее лице, вдруг потерявшем молодежавую свежесть, Алекс увидел ненависть и страх.

...Она что-то скрывает. Или кого-то боится. Меня?.. Что она может знать обо мне?..

В конце концов проклятая коробка все-таки грохнулась! Сразу было понятно, что она грохнется — стояла неустойчиво и как-то боком, а он все швырял и швырял в нее разные предметы, словно в помойку!

— Володя! — жалобно вскрикнула Жанна, самая молодая и впечатлительная сотрудница его отдела, и ринулась подбирать.

— Что?! — рявкнул он, и она попятилась, испугавшись.

— Упало же...

— Я вижу.

Он дернул с пола коробку. Оставшееся в ней барахло жалобно звякнуло, и, зарывав, он вывалил все на пол, в общую кучу, и впрямь выглядевшую непристойно и жалко, как мусорная.

...Это все, что ты нажил на своей хреновой работе?! Вот эта самая куча мусора, и больше ничего?!

— Володька, не бузи, — с осторожным добродушием посоветовал заместитель из-за своего компьютера. — Сделанного не воротишь. Может, оно и к лучшему, что ты уходишь...

— Я не ухожу, — процедил сквозь зубы Владимир Береговой, бывший до недавнего времени начальником IT-отдела. — Меня увольняют.

...Вот именно! Вот именно, что увольняют! И отдел теперь не твой, и заместитель не твой, и эта самая... как ее... Жанна вовсе не твоя сотрудница!

А сделанного, ясный хобот, не воротишь!

Жанна ползала по светлому ковролину, собирала раскатившиеся ручки, разлетевшиеся листки, мятые файловые папки, флешки без колпачков, тубик термопасты, древнюю дискету с горячо любимой игрой «Warcraft-1», выпущенной, кажется, в 96-м году, и прочую ерунду.

Береговой сверху смотрел на бедняжку Жанну, которая изо всех сил старалась как-то ему помочь, и отчаянно ее ненавидел. Светлые волосы, цепочку позвонков, выступивших под свитером, и даже попку сердечком — все, все!.. Впрочем, ненавидел он не только Жанну с ее попкой! Он ненавидел свой отдел, сотрудников, всех до единого, и начальников — отдельной, яростной, острой ненавистью, от которой темнело в глазах и дышать становилось трудно.

Никогда с ним такого не было!..

— Володь, ты профессионал, — вновь подал голос его бывший заместитель, и этот голос показался Береговому лживым — от ненависти. — Ты ж понимаешь, что у тебя все будет хорошо. Ты сейчас в себя придешь, оглядишься, отдышишься и найдешь работу еще даже лучше, чем в нашем болоте.

— Замолчи, — тихо велел Береговой.

— Чего?..

— Я сказал, заткнись.

— Да ладно тебе психовать, Володька!.. Я ж говорю, что все у тебя...

— У меня? — переспросил уволенный начальник таким голосом, что Жанна проворно, как ошпаренная кошка, подалась от него под стол. — У меня мать второй месяц в больнице! Обширный инфаркт у нее. И если денег не платить, они ее в один момент в общую палату переведут, а там шесть человек! Шесть лежачих бабок, которые под себя ходят! Ты это понимаешь или нет?! И мне некогда оглядываться и в себя приходиться, мне за мать платить нужно! И за квартиру тоже! У меня же кредит, черт бы побрал его совсем! Где и чего я сейчас буду

искать?! Мне нужно завтра же на работу, ты понял?! Завтра же! А где я ее возьму до завтра, работу?!

И тут он грохнул кулаком по клавиатуре так, что та пластмассово икнула и треснула пополам, и Жанна, таращившаяся из-под стола, зажала уши руками, заместитель отшатнулся в кресле и чуть не упал, а из-за тонкой перегородки закричали:

— Эй, чего у вас там?! Война началась?!

— Да! — заорал Береговой. — Война, блин! Воздушная тревога!

И все смолкло.

— Из-за какой-то суки недотраханной, — выговорил он, странно кривя губы, — из-за дряни последней, чтоб ей сдохнуть!..

— Пойду я покурю, — решил благоразумный заместитель и боком выбрался из кресла. — Где-то тут мои сигареты были?..

— Владимир, а это? — тонким голосом спросила Жанна. — Это ваше?..

Береговой мрачно глянул под стол.

Она протягивала ему носки, немного поношенные, но чистые, которые он всегда держал в ящике, на всякий случай. Мало ли, ноги промочит или дырка какая-нибудь непредвиденная образуется!

Щеки у бывшего начальника моментально порозовели, потом розовый цвет перетек в ярко-алый, и на шее взбухли жилы, толстые и перевитые, как веревки.

— Ой, — тихо сказала Жанна.

— Дайте сюда!

Со всего размаху он швырнул носки в коробку, туда же полетели две половинки клавиатуры, толстая зачитанная книга и прочая ерунда, собранная с пола Жанной.

Ну вот, собственно, и все.

Все?! Теперь уж совсем все?!

— Владимир, я хотела вам сказать, — начала Жанна, старательно не глядя на него, но он не мог и не хотел ее слушать.

— Все! — вслух повторил он то, что вертелось у него в голове. — Все, дорогая Жанна! До новых встреч!

— Нет, просто очень жалко, что вы уходите, потому что с вами так приятно работать и вы так хорошо...

— Я хорошо! — подтвердил Владимир Береговой и подхватил свою коробку. — Я просто отлично!

Жанна побежала и распахнула дверь — видимо, чтобы ему проще было уходить с работы, где он провел последние три года своей жизни,

создав отдел из ничего, из воздуха, где ему было интересно и трудно, и казалось, что он нужен и без него не обойдутся.

Ошибался, должно быть. Обойдутся, раз уволили в пять минут, долго не мучили!..

Выйти он не успел. На пороге возникла Леночка или Олечка из бухгалтерии, Береговой почти уперся в нее своей коробкой.

— Ты что, переезжаешь, Володечка? — живо поинтересовалась Леночка или Олечка. Она жевала морковку, держа ее почему-то двумя пальцами, как сигарету. — А куда? Ты же вроде только что перегородку поставил!

Из-за этой самой перегородки выглянул кто-то из его сотрудников — то есть бывших, уже не его! — окинул взглядом мизансцену и скрылся.

— Что нужно?

— Или тебя повысили?

— Меня уволили.

Леночка или Олечка прыснула со смеху и махнула на него морковкой.

— Да ладно!

Береговой плюхнул свою коробку на ближайший стол. В коробке жалобно всхлипнуло.

— Что нужно-то?..

Леночка или Олечка перестала хрупать, и лицо ее отобразило тревогу.

— Нет, правда, что ли?..

Жанна, на которую та посмотрела, горестно закивала. Леночка или Олечка сглотнула и округлила глаза.

— Володечка, как же это?.. А почему мы не знаем?.. Нет, а как же мы теперь будем, если ты...

Береговой молчал, на шее опять надулись страшные перевитые жилы.

— А я... я вообще-то за чайником, Володь, — разглядывая его, сказала Леночка или Олечка. — Ты... починил?

Береговой прошел к стеллажу и распахнул створки.

— Который ваш?

На полке помещались три электрических чайника и одна микроволновка.

— Вот этот, синенький!

— Забирай.

— А ты починил, да? — не ко времени возрадовалась Леночка или Олечка. — Вот спасибо тебе большое! А то мы все к соседям за кипятком ходим, побираемся! И сухомытка эта надоела, даже супчику не заварить! Ты молодец, Володечка!

Она сунула в рот морковку, подхватила чайник и уже почти выпорхнула из отдела, но вдруг остановилась, видимо вспомнив.

— Нет, ты правда... того?

— Правда.

— А... куда ты теперь?

— За кудыкину гору! — рывкнул совершенно изнемогший от горя Береговой и подхватил свою коробку. — Давай. Пока.

Леночка или Олечка с чайником в объятиях выкатилась в коридор, а уволенный подумал немного, плюхнул коробку обратно и взялся за телефон. Жанна смотрела встревоженно.

— МарьПетровна, — скороговоркой выпалил он в трубку, — здрасте, это Володя Береговой. Так получилось, что я... В общем, меня не будет, так что вы печку заберите. Нет, почему, работает. Я сделал. И Татьяне Евгеньевне из кадров скажите, чтоб за чайником зашла, ладно?.. Да нет, все в порядке. Не за что, МарьПетровна. До свидания.

Привычным движением он сунул было трубку в задний карман джинсов, но спохватился и аккуратно вернул ее на аппарат.

— Материальные ценности раздайте владельцам, — велел он Жанне и опять взялся за коробку. — Микроволновка из первой редакции, чайник один из кадров, а второй я забыл откуда. Вроде Настя приносила, секретарша Анны Иосифовны. Я все починил.

— А... зачем вы их чините? — осторожно поинтересовалась Жанна.

— Они ломаются, вот я и чиню, — объяснил Береговой. — Просто никто толком не знает, чем на самом деле занимается IT-отдел! Я три года объяснял, но никто до конца не понял. Все думают, что раз мы разбираемся в компьютерах, значит, в чайниках уж точно разберемся. И несут. А мне проще два контакта перепаять, чем объяснения объяснять, от царя Гороха и до наших дней! До свидания, Жанна! Всем привет.

И ушел.

Жанна посеменила за ним, но у него была совершенно непреклонная спина, и она сначала притормозила, а потом и вовсе отстала. Посмотрела ему вслед и вернулась в отдел, где было уже полно народу, как будто все это время сотрудники прятались за шкафами и шторами!.. Отдел гудел и сотряслся от негодования, как паровая машина

братьев Черепановых. Предлагались петиции, воззвания и коллективные письма в защиту.

Владимир Береговой, ничего не знавший о поднявшейся ему вслед буре, решил, что в лифте ни за что не поедет — опять расспросы, сочувственные взгляды и неловкость, сродни той, что всегда испытывают здоровые в присутствии тяжелобольного, — и стал спускаться по лестнице.

Вообще-то он все время бегал по лестнице, лифта не дожدهшься, а дел полно, везде нужно успеть. Ему нравилось торопиться и успевать или не успевать, и он даже в этих чертовых чайниках научился разбираться, потому что без него никто не стал бы разбираться!

Из-за коробки, прижатой к животу, он не видел ступеней и шел медленно, и его догнала Ольга из отдела русской прозы. Догнала и крепко взяла за локоть.

— Володь, постой.

— Я ухожу.

— Мне нужно с тобой поговорить.

Он посмотрел неприязненно.

Эта Ольга, будь она неладна, нравилась ему, поэтому он всячески ее избегал и демонстрировал безразличие. Сейчас она была ему совсем некстати. Она не должна видеть, как он убирается прочь, поджав хвост, будто собака, которую пинком выкинули из дома!

— Если у тебя опять сеть висит, это больше не ко мне.

— Володя, мне нужно с тобой поговорить. Прямо сейчас. Это очень важно.

— Я ухожу, — повторил он нетерпеливо и дернул головой.

— Ты уходишь из-за меня. — Она как будто споткнулась и остановилась, и ему пришлось остановиться тоже. — Тебя мадам Митрофанова уволила из-за фоток в Интернете, да?

— Да.

— Ну вот. — Она отвела глаза в сторону и вздохнула очень решительно: — Это я их выложила.

— Поздравляю, — произнес Береговой, не зная, что еще сказать.

Они помолчали, стоя посреди лестницы.

— Это я виновата, Володя.

— И что из этого? Ты решила раскаяться? Ну, вот тебе отпущение грехов, дочь моя, а я пошел.

— Что ты заладил — пошел, пошел!.. Мне нужно кое-что тебе по-

казать, очень важное. И это, — она понизила голос и придвинулась к нему, — имеет отношение к убийству. Понимаешь?..

...Ты что-нибудь понимаешь? Ты понимаешь только, что ее грудь, упакованная в плотный шелк блузки, почти касается твоего локтя — ей-богу! — и от ее волос пахнет упоительно, и она что-то говорит, и ты видишь, как она складывает губы, и блестит сережка в мочке нежного уха.

Убийство?.. Какое убийство?..

— Володь, да проснись ты! Ну, если хочешь на меня наорать, наори, только не молчи! — Но он все молчал, и она нетерпеливо подсунулась еще поближе и понизила голос: — Я выяснила, что в этом деле замешана твоя мадам!

Он отступил и уперся задницей в перила — так, чтобы Ольга его не касалась больше, — и переспросил:

— Какая мадам? В какое дело?..

— Митрофанова, господи, какая же еще!.. А замешана она в убийстве! Пошли, я покажу!

Алекс не отводил глаз и не шевелился, и Анна Иосифовна дрогнула первой. Вдруг моргнула и заговорила очень фальшиво, и задвигалась слишком светливо:

— Алекс, душа моя! Ну, что же вы?.. Чай давно готов, вот-вот остынет, а остывший чай — уже не чай!.. Садитесь вот здесь, отсюда отлично видно изразцы, и вы сможете продолжать ими любоваться. Мне очень приятно, что их оценили!.. Вы знаток прикладного искусства?..

Он помедлил.

— Скорее нет, — и, сжалившись, отвел глаза от ее лица. — Знаю немного, когда-то проходил в университете. В основном про немецкую майолику.

Из серебряного чайника Анна Иосифовна наливала в тонкую чашку крепчайший чай, похожий в солнечном свете на расплавленный янтарь.

— Вот как! Какую же немецкую майолику проходят в университете? Кружки Гиршфогеля?.. — Это было сказано с некоторым пренебрежением.

— И еще рейнские, и «штангенкруг».

— А Лимож? Не любите?

Алекс улыбнулся и пригубил чай, чувствуя себя бедным студентом в заношенном сюртучишке, внезапно угодившим за обеденный стол в профессорском доме.

— Ну, это уже Франция, а не Германия, Анна Иосифовна. И там делали эмаль, насколько я помню.

— Да-да. — Хозяйка, совершенно успокоившись, устроилась напротив и улыбнулась поощрительно поверх тончайшего фарфора. — В пятнадцатом веке в Лиможе как раз научились покрывать металл эмалевыми красками. Я ничего не путаю?..

Видимо, все-таки экзамен, решил Алекс. Занятно.

В последнее время он только и делал, что сдавал экзамены, и все проваливался!..

— Нет-нет, абсолютно верно. Рисунок вырезали на металле, а углубления заполняли черной эмалью. После этого обжигали первый раз, а потом уж накладывали остальные краски и вновь обжигали. Иногда использовали белый и золотой цвета, а, например, Жан Пенико избражал совсем сложные сюжеты.

— Что вы говорите?!

— Библейские и исторические сцены, — подтвердил развеселившийся Алекс. — Влияние в основном, конечно, фламандское, а впоследствии немецкое и итальянское.

— Плюшки прямо из духовки. Моя Маргарита Николаевна только перед вашим приходом достала! Угощайтесь, Алекс. Вот с изюмом, а эти с сахаром, классические. Вы какие больше любите?

Видимо, это означает «отлично». Ставлю в зачетку.

— Я всякие люблю, Анна Иосифовна. — Он посмотрел ей в глаза. — Ваша Маргарита Николаевна просто волшебница. Передайте ей мое восхищение.

— С удовольствием! Она будет счастлива. Вы курите?.. Если да, вот пепельница, и не стесняйтесь! — Хозяйка придвинула к нему некий хрустальный сосуд сказочной красоты, брызгающий во все стороны разноцветными бликами. — Ахматова всегда говорила, что курение...

— Это цепь унижений, — закончил Алекс. — Все время нужно у кого-то спрашивать разрешения!

— Н-да, — задумчиво пробормотала она себе под нос. — Вот тебе и на...

И не меняя тона:

— Вас когда-нибудь унижали, Алекс?

— Да.

— Я не выношу унижений. — Она раздула тонкие ноздри. Звякнул фарфор, и сделалось так тихо, что слышно стало, как с той стороны стекла назойливо и утробно гудит поздняя муха.

Анна Иосифовна стремительно поднялась и легким, совсем девичьим шагом отошла к пузатому буфету и тотчас же вернулась. В руках у нее была китайская коробочка с желтым богдыханом на крышке. Анна Иосифовна достала сигаретку и спички и, привычно чиркнув, быстро закурила.

Алекс смотрел на нее во все глаза.

Курить в издательстве «Алфавит» было строжайше запрещено, практически под страхом увольнения. В отделе кадров ему сообщили, что генеральная директриса с курением борется беспощадно и всерьез, как активист движения «За здоровье нации».

— Я долго терпела, — продолжала хозяйка. Сигарета дымилась у нее в руке. — Должно быть, нельзя было так долго!.. Но я... смалодушничала, Алекс. И поплатилась!

— За что?

— В том-то все дело. — Она боком присела на стул и прикрыла глаза. Алекс никак не мог взять в толк, играет она или переживает всерьез. — Я не знаю, за что. И это тоже унизительно, понимаете?

— Не совсем, — сказал он осторожно. — Вы говорите об... убийстве?

— Убийство — последнее звено. Все началось давно, и меня предупреждали о том, что может случиться самое худшее, но я не верила, конечно!

За плечом произошло какое-то движение, Алекс оглянулся, Анна Иосифовна повелительно махнула рукой, и створка тихонько притворилась.

...Кто там может быть? Ах да! Кудесница Маргарита Николаевна с очередной порцией пирогов на блюде!

Или нет?

В этом странном и прекрасном доме все не то и не так, как кажется на первый взгляд!..

— Я в неудобном положении, — вдруг заявила Анна Иосифовна. — Я ничего о вас не знаю, и мне вас, прямо скажем, навязали, но у меня нет выбора. Вы должны узнать обо всем, а я, видимо, обязана вам рассказать.

— Давайте я попробую, — предложил Алекс. — А вы скажете, прав я или нет. Хотя бы в том, что мне удалось понять. На данный момент.

Прищурившись, она посмотрела на него.

— Н-ну, попробуйте.

— Некоторое время назад вы стали получать письма с угрозами. Кстати, как они приходили? По электронной почте?..

Она кивнула.

— Вначале вы вообще не обращали на них внимания и просто удаляли. Потом они стали вас раздражать. Затем вы забеспокоились. Потом, видимо, испугались.

— Те, что я распечатала для вас, самые безобидные, поверьте мне!..

Алекс помедлил.

— Верю, — согласился он так, как будто вовсе не соглашался. — Очень неосмотрительно было с вашей стороны оставлять их на столе, Анна Иосифовна!

— Да, но я не предполагала, что в день вашего первого появления в издательстве случится это чудовищное убийство! — Она опять раздула ноздри.

...На что она сердится? На него за то, что он появился в издательстве, или на то, что произошло убийство? Да еще такое... неэлегантное!

— Я собиралась спокойно побеседовать с вами, но в этот момент вдруг началось это светопреставление, а потом, — она махнула рукой, — мне уже было не до записок. Впрочем, вы видели сами!..

— Видел, — опять согласился Алекс так, как будто вовсе не соглашался. — Кто еще знал о том, что вам угрожают? В издательстве знали?

— Нет, — быстро сказала она и решительно потушила в пепельнице сигарету. — Никто не знал.

Слишком быстро и слишком решительно.

— Вы поймите, Алекс, у нас совершенно особенная обстановка! Мы действительно одна семья, хотя у нас работает несколько сотен человек, а если считать склады и оптовые базы, почти две тысячи! И я сделала все для того, чтобы люди на самом деле болели за дело, которому они служат! Служить книгам — это прекрасно! Мне даже представить страшно, что было бы, если б я затеяла, например, внутреннее расследование!..

Алекс удивился — совершенно искренне.

— Вы хотите сказать, что служба безопасности тоже не в курсе?!

— Никто не в курсе. Только я и...

Она вдруг замолчала. Он ждал.

— Хотите чаю, Алекс? — спросила она совершенно другим тоном, светским, легким, угощающим.

— Так, — сказал он скорее себе, чем ей. — Значит, служба безопасности нам ничем помочь не может.

— Я все время удаляла из почты все эти гадости! Ну, у меня просто не было сил на это смотреть! Я сохранила только последние, которые вы нашли у меня на столе.

— Их нашел ваш заместитель. И немедленно поставил в известность еще одного вашего заместителя, вернее, заместительницу.

Анна Иосифовна пожала плечами:

— Теперь это уже не имеет значения. После убийства вряд ли мне удастся восстановить репутацию издательства! И если бы вы только знали, Алекс, как я ненавижу человека, который посмел вторгнуться в мой мир! Вторгнуться, нагадить в нем и исчезнуть! Как же я его ненавижу!

Алекс знал такую ненависть — острую, обжигающую, не дающую дышать. Знал так хорошо, как будто она была его собственной!.. Впрочем, у него ведь есть и своя, должно быть, точно такая же.

— Убитый... имеет какое-нибудь отношение к «Алфавиту»?

— Никакого. Он не наш. Личность пока не установили, так мне сказали в милиции.

— Странно, — задумчиво произнес Алекс. — Вот это на самом деле странно.

— Что?..

Он поднялся, подошел к печке и потрогал гладкие теплые изразцы.

— Я был уверен, что этот человек — сотрудник издательства и его имя будет легко установить. Иначе совсем непонятно, как он оказался в том коридоре, да еще в рабочем комбинезоне!.. Как он туда попал? Кто его пустил? Зачем? Мимо ваших церберов муха не пролетит, а он просто так зашел?!

— Каких... церберов?

Алекс улыбнулся.

— Тех, которые сторожат двери, Анна Иосифовна, — пояснил он. — В первый раз я объяснялся с ними, наверное, минут двадцать! Кто я такой и что именно мне нужно в вашей... цитадели!

Анна Иосифовна улыбнулась в ответ — довольно натянуто.

— Не в цитадели, Алекс! В обители! Вы же именно это хотели сказать?..

— Как я мог перепутать, — пробормотал он, — цитадель с обителью?..

Они помолчали — каждый о своем.

— Расскажите мне о ваших заместителях, — попросил Алекс. — Я же должен с кого-то начать!..

— Катюша — отличный управленец...

— Кто это — Катюша?

— Катюша Митрофанова, — с некоторым недоумением пояснила Анна Иосифовна. — Первый заместитель. Она довольно бойка, и подчас не там, где надо, но вполне управляема и профессиональна. Хотя вот сейчас сделала, с моей точки зрения, страшную глупость! Зачем-то уволила Володю Берегового, а он прекрасный мальчик, просто прекрасный! Отличный работник, и мама у него нездорова!.. Впрочем, это неважно. Саша Стрешнев выбился из редакторов, и начальник из него, прямо скажем, никакой. Зато у него отличное чутье, я бы даже сказала — нюх. Он за версту определяет перспективных авторов и умеет с ними работать. Вадик был еще лучше, но с ним пришлось расстаться. Вадим Веселовский. — Она снова закурила и помахала спичкой, на конце которой трепыхался крохотный огонек. Огонек мигнул в последний раз и погиб. — Вы пришли на его место.

— Почему пришлось расстаться?

— Алекс, прошу меня извинить, но я готова отвечать на любые ваши вопросы, связанные с... ужасным происшествием. Вадим с ним никак не связан, поверьте мне! И причина его ухода не имеет никакого отношения...

— Ко мне, — закончил Алекс.

— К делу, — мягко поправила Анна Иосифовна.

— Вам именно... пришлось расстаться? Или он ушел сам?

— Алекс, уверяю вас, эта история тут совершенно ни при чем!

— Значит, какая-то история все же была?

Старуха не дрогнула и не отвела глаз.

Впрочем, Алекс уже всерьез сомневался, что она старуха!.. Может, по ночам она превращается в Василису Премудрую и, взмахнув рукавом, пускает лебедей по озерной глади!

У них все совсем не так, как кажется на первый взгляд. Вот и Митрофанова оказалась Катюшей — кто бы мог подумать!

— Вы давно ее знаете, Анна Иосифовна?

— Простите?

— Катюшу, — пояснил Алекс. Эта самая «Катюша» выговорилась им с некоторым усилием. — Вашу заместительницу?

— Ах, боже мой, конечно, давно! Алекс, я их всех знаю сто лет! Они выросли у меня на глазах!..

...Интересно, она скажет, что все сотрудники для нее как любимые дети, или нет?..

— Кто из них вырос у вас на глазах?

— Саша, — ответила она с недоумением, как будто он спрашивал о чем-то совершенно очевидном и всем известном. — Сашу Стрешнева я помню совсем ребенком! Мы очень дружили с его отцом, он руководил одним из крупных издательств. Мать, кажется, работала в каком-то детском журнале и ничего собой не представляла. — Это было сказано с некоторым пренебрежением. — В детстве Саша был вылитый отец, удивительно даже!.. Настоящая ленинградская порода, если вы понимаете, о чем я говорю.

Алекс промолчал.

— Слишком благородный, — пояснила Анна Иосифовна. — Слишком незащищенный. Жил очень трудно, и как только у меня появилась возможность надежно его устроить, я немедленно пригласила его на работу.

— Получается, что Стрешнев в «Алфавите» со дня основания?

— Ну, может быть, не с самого первого, но — да. Мы вместе начинали.

— А Митрофанова?

— Катюша работает пять лет. Нет, уже шесть, в ноябре будет шесть!.. Я знала ее бабушку. У Катюши тоже очень, очень непростая судьба, она появилась как раз в тяжелое для себя время и поначалу была такая неуверенная, очень запуганная девочка! Я даже на совещаниях старалась к ней не обращаться, она совершенно не могла выносить, когда на нее смотрят! И говорила почти шепотом.

Алекс вспомнил, как Митрофанова ефрейторским голосом спрашивала у него: «Вы кто?!» — и выясняла с пристрастием, не привез ли он бумаг от некоего Канторовича. Н-да... Неуверенная в себе, запуганная девочка с непростой судьбой, как бы не так!..

— Вадим Веселовский тоже... аксакал? И тоже был неустроен, когда вы его приютили?

— Алекс, вам хочется меня задеть?

Ему очень хотелось ее задеть, ну, просто невыносимо! Может, потому, что в каждом ее слове он подозревал ложь и фальшь, или потому, что его самого Анна Иосифовна тоже подобрала «в трудное для него время», и он сам нынче на редкость «не защищен» и не может выносить, «когда на него смотрят»!.. Ноты разные, а пьеса та же, и за роялем все та же Анна Иосифовна.

— Впрочем, вы человек новый и имеете право на непонимание, — вдруг заявила то ли старуха, то ли Василиса Премудрая, кто-то из них двоих. — Вадим пришел одновременно с Катюшей.

— Вы хорошо знали его отца? Или бабушку?

Анна Иосифовна рассмеялась, очень живо, и принялась составлять чашки на серебряный поднос. Этот странный молодой человек нравился ей, и, похоже, она в нем не ошиблась.

— Вадима я нашла, кажется, через кадровое агентство. Нынче все очень удобно устроено! Кого угодно и что угодно можно найти или в Интернете, или через какое-нибудь агентство! Правда, Алекс?..

Пусть не думает, что только он один способен на провокационные вопросы! Он посмотрел внимательно, и Анна Иосифовна похвалила себя.

— У них был такой красивый, такой... старомодный роман!.. — продолжала она, собирая посуду. — А потом все закончилось, и ему пришлось уйти.

— Роман... с кем?

— С Катюшей! С Катюшей Митрофановой! Мы все надеялись, что они поженятся и будет свадьба, а потом, бог даст, крестины, но ничего не вышло. Очень грустная история.

— Вадим Веселовский уволился сразу после грустной истории?

— По правде сказать, это я его уволила. — Она вздохнула. — Современные молодые люди, даже лучшие из них, слишком толстокожи, знаете ли... Ему бы и в голову не пришло уйти. Он продолжал работать, несмотря на то что Катюша стала похожа на тень и день ото дня чувствовала себя все хуже и хуже.

— Это из Чехова? — быстро спросил Алекс, не успев поймать себя за хвост. — «Цветы запоздалые»?.. Княжна Маруся день ото дня чувствовала себя хуже и хуже, а доктор не обращал на нее никакого внимания?!

— Алекс!

Кажется, ему наконец-то удалось ее рассердить.

Анна Иосифовна негодующе подвинула серебряный поднос, опустилась в кресло и захохотала.

— Вы невозможный! — заявила она с удовольствием, похохотав немного. — Впрочем, талантливые все невозможные!.. Хотите кофе? Или поесть? Моя Маргарита Николаевна...

— Что вы сказали?

— Я предложила вам поесть, — повторила Анна Иосифовна весело. — Чай — это прекрасно, но мне почему-то хочется вас накормить!..

— Нет. — У него взмокло между лопаток. — Что-то про талант.

— А-а, — протянула она. — Талант — это всегда трудно, Алекс. Так как насчет обеда? Или прогуляемся немного? Мне нравится с вами болтать! Мы же просто болтаем, правда?..

...Она знает обо мне. И пытается это сказать. Но этого просто не может быть. Никто ничего обо мне не знает. Не должен знать! Как только станет известно хоть что-то, все пойдет прахом. Даже некое подобие жизни, которой я живу сейчас, закончится. А мне бы этого не хотелось. Ох как не хотелось бы!..

Алекс перевел дыхание, и вдруг какое-то движение за окном привлекло его внимание.

Он посмотрел, и кровь ударила в голову так, что зазвенело в ушах.

По лужайке стремительно и бесшумно неслась страшная черная собака. Он уже видел эту собаку — когда его били на детской площадке.

Сгусток тьмы. Призрак.

— Что это?!

Анна Иосифовна оглянулась встревоженно и быстро подошла к нему.

— Что с вами, Алекс?..

Он, не отрываясь, смотрел за окно.

Никого не было на лужайке. Между двумя ударами сердца собака как в воду канула.

В «Чили», как назло, было полно народу, и Владимир Береговой, уволенный начальник IT-отдела, прошел в самый дальний угол, сунул свою коробку между диванами, забился в тень и замер, уставившись в пол и всем своим видом демонстрируя, что его приволокли сюда против его воли и почти что силой.

«Чили» в издательстве «Алфавит» именовалось просторное помещение на первом этаже, декорированное в восточном стиле — с низкими диванами, драпировкой на стенах, покойным светом и столиками на толстых слоновьих ногах. Не хватало разве что кальянов, нагих гурий и музыкантов, наигрывающих на удде. Здесь принимали гостей попроще, тех, что не устаивались приема во дворце, на «бабкином» пятом этаже, вели не слишком важные переговоры, встречались с авторами по текущим делам и просто забегали поболтать и выпить настоящего кофе, который варил в настоящем кофейнике хмурый молодой человек, настоящий турок. Помещение было придумано и обставлено, разумеется, Анной Иосифовной, а откуда взялось экзотическое название, никто не помнил. Кажется, произошло оно от слова «chill-out», значения которого никто хорошенько не знал, но Анна Иосифовна, помнится, настаивала, что издательству совершенно необходима «зона

отдыха», то есть этот самый «чилл-аут». Потом заключительная часть непонятного слова утратилась, и осталось просто «Чили».

Сегодня здесь были Стрешнев с писательницей Маней Поливановой, известной широкой публике как Марина Покровская, Надежда Кузьминична с кем-то из своего отдела, Беляев из службы безопасности с чашкой кофе и газетой и — Береговой удивился — уволившийся некоторое время назад Вадим Веселовский.

Веселовский издали кивнул, и Береговой кивнул в ответ, маясь от неловкости.

Зачем Ольга его сюда притащила?! Он больше не имеет никакого отношения к этому миру. Он такой же уволенный, как и этот самый Веселовский, никому здесь нынче не нужный, чужой и далекий! На место Веселовского уже пришел другой, со странной двойной фамилией, и на место Берегового завтра тоже кто-нибудь непременно придет.

У нас незаменимых нет, ясный хобот!..

— Кофе будешь, Володя?..

— Оль, давай говори, что хотела, и я поеду. Кофе мне не надо.

Она горестно на него посмотрела. Этот взгляд должен был означать, что ей очень нелегко, она так виновата перед ним, а он ничем ей не помогает, сердится, брыкается, упирается!..

Впрочем, он прав. Из-за нее его уволили. У него есть основания сердиться.

— Вот смотри, — она распахнула ноутбук, который все время держала под мышкой, и уселась рядом с ним, очень близко. Он покосился и коротко вздохнул. — Помнишь, Митрофанова сказала, чтоб никто не смел фотографировать, она всех уволит, если что-то появится в Интернете? Ну, в тот день, когда человека убили?..

— Помню.

— Ну, я фотографировала, конечно. Я хотела детектив придумать. Только настоящий, а не какую-то там лажу, как все эти пишут!.. — И она подбородком показала на писательницу Поливанову, которая в отдалении что-то громко втолковывала Стрешневу.

— В каком смысле... настоящий? — не понял Береговой.

— Ну, чтобы труп был настоящий, понимаешь? И расследование тоже! Как в реалити-шоу! Я хотела в своем блоге это обсудить, и чтоб мы все вместе нашли убийцу. А для этого нужны фотографии с места происшествия. Как можно больше фотографий!

Экран ноутбука осветился, синие блики легли на ее светлые волосы, сделал их серебристыми, сверкающими, как у инопланетянки.

— Преступник всегда оставляет следы, понимаешь? — Она мельком глянула на Берегового и опять устала в экран. — Только у плохих авторов преступники бестелесные и бесполое существа, а на самом деле следы всегда есть, их просто нужно поискать! И я снимала подряд все, что на глаза попадалось. А потом фотки выложила в блоге и бросила ключ: кто первый найдет улику. Володь, ты чего?..

Он молча смотрел на нее. Ему было противно. Оказывается, все началось не в ту секунду, когда сука Митрофанова решила его уволить, а тогда, когда милая девушка Оля из отдела русской прозы захотела поиграть в детектив с «самым настоящим трупом»! А заплатил за это он, Владимир Береговой!

— Но никто не нашел никаких улик, — продолжала милая девушка, — представляешь?..

— Оля, ты что? Дура? — обидно спросил он и поднялся. — Выпусти меня, я пойду.

Она потянула его книзу за джинсы, заставив снова сесть.

— Ты не дослушал! Никто ничего не нашел, а я нашла!

— Поздравляю тебя, — сказал Береговой брезгливо.

— Да, да! — жарко выговорила она и пунцово, некрасиво покраснела. — Я знаю, что дура и во всем виновата! Но все-таки посмотри!..

— Ты ни в чем не виновата, но разыгрывать спектакли в Интернете с настоящим трупом, по-моему, маразм. Я даже... — Он хотел сказать что-нибудь старомодное и до ужаса банальное, вроде того, что он такого от нее не ожидал, но она перебила:

— Вот смотри. Видишь, у него из кармана выглядывает?..

Береговой посмотрел на фотографию в компьютере.

— Это пропуск, — на ухо ему одними губами выговорила Ольга. — Если вот так приблизить и увеличить, его отчетливо видно. Там даже буквы можно разобрать!

Береговой еще раз посмотрел. Ольга вертела на мониторе фотографию лежащего ничком мужчины, то приближала, то отдаляла, и Владимир невольно заинтересовался.

— Ну, возможно, это пропуск, — согласился он. — И что из этого следует?

— А теперь сюда смотри! — И она вывела на монитор следующую фотографию — тот же человек, лежавший в той же позе.

— Ну и что?

— Ты ничего не замечаешь?

Он пожал плечами.

— Ну вот! — торжествующе зашептала она. — И никто не заметил! А я заметила! На этой фотографии пропуска у него в кармане нет! Куда он мог деться? Труп не трогали, не переворачивали, по крайней мере, до приезда ментов! А когда менты приехали, нас всех оттуда разогнали, и я уже больше ничего не фотографировала! Ну, вот же, вот!.. Здесь из кармана у него торчит что-то, а здесь уже нет!

Береговой шарил глазами по экрану, переводя взгляд с одной фотографии на другую, вроде точно такую же, и от сознания того, что на них «настоящий» труп, ему было не по себе.

— И я стала искать, куда он мог деться у него из кармана! — продолжала Ольга. — Я их все пересмотрела, эти фотки, и так, и эдак, и с увеличением, и без. Все, что наснимала!.. Я же шелкала все подряд, держала телефон в руке и шелкала. Это Надежда Кузьминична, видишь, в обмороке почти, это новенький, не знаю, как он здесь оказался, это Литовченко попался, а это...

На фотографии был все тот же труп, снятый на этот раз под каким-то другим, неправильным углом, и чья-то смазанная рука в белой манжете с запонкой на переднем плане. В руке зажат прямоугольный кусочек пластика.

— Это она вытащила у него пропуск, твоя мадам!.. Это ее манжета, у нас запонки больше никто не носит, а она как раз в тот день была в костюме!.. И еще шарф какой-то дебильный!.. Я точно помню, Володя! Она увидела пропуск и под шумок его вытащила! Она над трупом сто раз наклонялась, это я тоже помню!

— Зачем?!

— Чтоб никто не догадался, что тот, кто потом стал трупом, к ней приходил! Она же громче всех визжала, что не знает, кто это! И даже хотела Сергея Ильича из хозяйственной службы вызвать, чтоб он его опознал! А она знала, кто он! Потому что у него, у трупа, был ее пропуск!

— Почему ее?

— А потому что там ее фамилия! Я же говорю, буквы можно разобрать!

Береговой хотел что-то сказать, раздумал, переставил ноутбук к себе на колени и почти уткнулся носом в экран. Перелистал фотографии. Сначала так, а потом эдак. Их оказалось очень много, и на каждой —

мертвое тело. В равнодушной и отстраненной документальности этих фотографий была просто констатация факта — ну да, мертвое тело, ничего особенного. Объект для исследования, вернее сказать, расследования. Не человек, а именно объект.

Но ведь это был именно человек — до тех пор, пока его не убили!.. И его нельзя, не должно исследовать, как... лабораторный материал!.. Или можно?..

— Ну, вот, вот! Останови, Володя!.. Увеличь эту! Еще, еще! — Ольга придвинулась совсем близко. Красивая девушка — как объект. — Видно не очень, конечно, но буквы можно разобрать. Видишь?.. «О», «в», «а», «ова»! Митрофанова, выходит!

— А может, Кузнецова или Жукова. Иванова подходит. Сидорова тоже. Все, как одна, «ова»!

— Володь, ну ты чего? Если Митрофанова пропуск вытащила, а это она, потому что рука совершенно точно ее, значит, у нее были на то какие-то основания! А какие могут быть основания, кроме ее фамилии?! По ее пропуску все бы догадались, что он к ней шел!

Береговой рассматривал фотографию руки в белой манжете, зажавшей пластмассовую карточку.

Неужели Ольга права?.. Неужели Митрофанова как-то причастна к убийству?.. Ну, может, не причастна, а замешана?.. Ну, допустим, не замешана, но имеет какое-то отношение?..

Это все меняет, если оно так. Если так, значит...

В эту секунду спокойный и умиротворенный «Чили» всколыхнулся, как сонный пруд, в который шлепнулась жаба. Дверь широко и резко распахнулась, сквозняком отдернуло золотистую гаремную штору, и появилась Митрофанова, что-то громко вещавшая в мобильный телефон.

Береговой весь подобрался, турок замер за стойкой со своим кофейником, Надежда Кузьминична уронила свои бумаги, и даже писательница Поливанова, известная митрофановская подружка, не прерывая разговора со Стрешневым, посмотрела в ее сторону с неудовольствием.

— Саша, — оторвавшись от телефона, на весь «Чили» провозгласила Митрофанова, — я тебя никак не могу найти, а ты мне нужен!

— Здравствуй, солнышко, — проворковала Поливанова и двинулась к ней целоваться.

Береговой усмехнулся не без яда. «Солнышко», произнесенное густым Маниным контральто, прозвучало как-то на редкость двусмысленно.

Облобызав Маню, Митрофанова окинула взглядом доселе вполне мирный издательский приют и на секунду задержала взор на уволенном Владимире Береговом. Уволенного Вадима Веселовского она, похоже, не заметила.

— Саш, у вас разговор еще надолго?

Вместо Стрешнева ответила — ясное дело! — Поливанова, попытавшаяся придать своему контральту немного легкомысленного дружелюбия:

— Нет, Катюшенька, мы уже заканчиваем. Это я его задержала, ты извини нас.

...Кто такая эта Катюшенька?! Нету у нас никакой Катюшеньки! Ах да. Митрофанова же Екатерина Петровна!.. Ясный хобот, Катюшенька — это она. Писательница Поливанова ее ласково так называет. Как можно быть ласковой... с Митрофановой?!

— Ну, хорошо, если ненадолго, — громогласно продолжала эта самая Катюшенька. — Саша, там с бумагами от Канторовича приехали, я к тебе направила, человек ждет. Надежда Кузьминична, ты бы зашла ко мне, когда... освободишься! — Это было сказано так, что всем сразу стало понятно: начальница абсолютно убеждена в том, что перед ней сплошь бездельники и тунеядцы, злоупотребляющие служебным положением и лояльностью руководства.

Нагнав на всех уныние, ввергнув в сознание крайней неполноценности и наведя, таким образом, должный порядок, Митрофанова уже совсем было вышла из «Чили», но решила поставить последнюю, так сказать, ударную точку. Или восклицательный знак.

Взявшись за позолоченную латунную ручку, искусно сделанную в виде слоновьего хобота, она помедлила, устремила взгляд в полумрак, в сторону самого дальнего дивана, где здоровенный Владимир Береговой пытался спрятаться за ноутбук, прищурилась и отчеканила:

— Вас ведь уволили, не правда ли?

Береговой медленно поднялся. Ноутбук он держал в руке.

В помещении стало очень тихо.

— Екатерина Петровна, — негромко и предостерегающе окликнул ее Стрешнев, но Митрофанова только повела плечом.

Нужно до конца разъяснить праздным сотрудникам, кто здесь главный — был, есть и будет всегда! Тем более повод отличный и объект вовремя подвернулся под руку, очень удобно получилось.

— Я прошу вас покинуть издательство, — продолжала чеканить Митрофанова. — Как ваша фамилия? Я все время забываю..

Береговой молчал.

— Впрочем, не важно. Вам здесь решительно нечего делать! И вам, — тут она перевела взор на Ольгу, — хорошо бы вернуться на рабочее место. Вы ведь пока еще здесь работаете!

На «пока еще» она приналегла голосом так, что стало понятно — дни сотрудницы редакции русской прозы сочтены. Совсем немного их осталось!..

Береговой громко вздохнул и с преувеличенной аккуратностью положил ноутбук на диван. И пошел прямо на Митрофанову.

Вид у него был устрашающий.

У Ольги задрожали колени — на самом деле задрожали, она даже не смогла встать. Попробовала было, и не смогла.

Со всех сторон наперерез Береговому бросились люди.

Митрофанова дрогнула и попятилась. Береговой все шел.

— Вы не имеете права оскорблять людей только потому, что вам это нравится! Вы не можете уволить всех, а мне уже наплевать! Наплевать!

— Володя, Володя, остановись!..

— Катюша, уходи, ты видишь, он не в себе!..

— Может, охрану вызвать? — гомонили вокруг.

Ольга вскочила, побежала и схватила Берегового за свитер. Он вырвался.

— Вы ведете себя как идиотка, как истеричка! Никто не виноват, что у вас преждевременный климакс! — Он сжал кулаки, кто-то за его спиной взвизгнул. — Вам нельзя с людьми работать, вам со свиньями надо! В навозе!!! Там вам самое место!!!

Митрофанова все пятилась, в глазах у нее появился ужас, но Береговой не видел никакого ее ужаса.

— Я раньше думал, что вы просто... дрянь, — он выплюнул это слово ей в лицо, — но вы не просто!.. Вы людей убиваете! И я это докажу!

Митрофанова уперлась спиной в стену, отступить было некуда. Беляев из службы безопасности медлил в отдалении и на помощь ей не спешил. Маня Поливанова порывалась кинуться, но Стрешнев крепко держал ее за руку.

Береговой постоял еще секунду — Катерине Петровне показалось, что он сейчас ее ударит. Она зажмурилась, и молнией мелькнувшая мысль о том, что на ней очки, и осколки стекол порежут глаза, и по щекам потечет кровь, была так страшна, что нечем стало дышать.

Бабахнула дверь.

Митрофанова медленно открыла глаза.

Береговой исчез, только колыхалась золотистая гаремная штора.

Чайник все никак не закипал, и от разгулявшегося к ночи ветра в кухоньке было холодно и сильно пахло улицей.

Екатерина Митрофанова, устав караулить чайник, присела боком к столу, переложила ложку и переставила чашку, посмотрела и вернула все на прежнее место — в новой редакции, переставленные по-другому, чашка и ложка выглядели не идеально.

Ей нужно было чем-то занять голову и руки, непрерывно двигаться, шебуршиться, и — самое главное! — не думать, и она, открыв ноутбук, проверила почту в пятый раз за вечер.

Из магазина белья прислали уведомление о распродаже. Стрешнев что-то спрашивал про бумаги от Канторовича. Маня Поливанова написала, что «никак не может прийти в себя после эпизода в «Чили».

Митрофанова тоже не могла прийти в себя после этого самого «эпизода»!

Она аккуратно закрыла ноутбук, взяла ручку, салфетку и стала обводить на ней розы и лилии. Там, где рука промахивалась мимо лепестков, Митрофанова прилежно подштриховывала. С каждым штрихом розы и лилии становились все меньше похожи на цветы и все больше на ошетилившихся ежей.

— Я ни в чем не виновата, — вдруг сказала она громко, и мягкая слабая бумага порвалась у нее под рукой. — Я не виновата! Я больше не хочу! И не буду!

Проклятый чайник наконец-то закипел, она вскочила и, делая слишком много лишних движений, кое-как заварила успокоительный сбор — пустырник, боярышник и валерьянку, все в пакетиках.

В холодной кухне немедленно запахло больницей.

— Со мной все в порядке! — объявила Митрофанова еще громче прежнего. — Я просто устала. Мне нужно в отпуск, только и всего.

Ветер громыхал за окном, как будто старался вырвать из стены железный подоконник.

Зазвонил телефон, и Митрофанова схватилась за него, как утопающий за соломинку. Слава богу, хоть кто-то догадался!..

— Катюшк, ты как там? — густым контральто осведомилась из трубки Маня Поливанова, известная писательница. — Переживаешь?

— И не думала даже! — выпалила Митрофанова. Губы у нее повело, и глаза налились слезами. — С чего ты взяла?! Еще переживать из-за всякой ерунды!

— Он не ерунда, — заявила Поливанова. — Он человек! Какого ху... художника ты его уволила-то? Он вроде всегда хорошо работал. Ноутбуки мне сто раз чинил! Ты же знаешь, как часто они у меня ломаются! — Маня вздохнула и добавила с гордостью: — Не выдерживают моей энергетики!

Но Екатерине Митрофановой нынче не было никакого дела до поливановской энергетики!..

— Я его уволила за дело! — Предательская слезища все-таки капнула в самую середину ошетилившегося ежа, который раньше был розой, и Митрофанова сердито отерла глаза. — Чтобы он знал... чтоб в издательстве все знали... чтобы неповадно...

— Оно, конечно, не мое дело, — перебила Поливанова. — Я ведь не сотрудник издательства!.. Я романы сочиняю. Но уволила ты его напрасно, Кать. Вот, ей-богу, напрасно!..

Митрофанова взялась рукой за лоб и наконец-то зарыдала — громко, по-детски, слезы закапали на ежа часто-часто, как дождь.

— И как детективный автор я тебе скажу, — продолжала Маня, словно не слыша рыданий, — это еще и очень подозрительно!

Митрофанова заикала, замотала головой и зажала рот рукой.

— Кать? А Кать?..

— Что... что еще... почему подозрительно?..

— Да потому что в детektивах так избавляются от свидетелей! Произошло убийство — это раз. В Интернете появились фотографии — это два. Ты немедленно увольняешь человека, который мог хотя бы концы найти, — три. И какие из этого можно сделать выводы?

— Ты... что?.. Маня, ты с ума сошла, что ли?! Какие концы он мог найти?! Почему избавляюсь?! От каких свидетелей?!

— Он же айгишник, — пояснила писательница Поливанова как ни в чем не бывало. — Он, наоборот, мог бы разобраться, кто эти фотографии выложил и зачем! Ну, там всякие адреса-пароли-явки, секретные почтовые ящики, социальные сети, странные ресурсы, я в этом совсем не петрю! А ты? Петришь?..

— Я... не... нет, не петрю я...

— Вот именно. И в одну минуту увольняешь профессионала!.. То есть выходит, тебе невыгодно разбираться. Тебе нужно избавиться от свидетелей. Тогда возникает вопрос: зачем?

— За... зачем?

— Затем, что ты как-то связана с убийством, вот зачем! — заключила Маня Поливанова торжествующе. — Нет, я-то знаю, что ты никак не связана, но у людей вполне может сложиться такое впечатление! Да оно уже и сложилось, вот клянусь! А оно тебе надо? Так себе репутацию портить?..

Катя Митрофанова сгрэбла со стола салфетку с ежами, бывшими розами, прижала к глазам и заплакала еще горше.

— Мама нет, — выговорила она с трудом, — я бы хоть ей пожаловалась... А так... Кому я нужна?..

— Ты всем нужна, — перебила Маня, слишком быстро и не слишком убедительно. — Ты вот сейчас из-за чего плачешь?

— Я... совсем одна. Понимаешь?.. И... этот... сказал, что мне только со свиньями и сама я свинья...

— Ну, это он в запале ляпнул!

— А я так испугалась, Маня! Как я испугалась! Я думала, он меня убьет! Я даже представила, как это будет, понимаешь? И Вадим. Там же был Вадим! И он все видел, все слышал и даже пальцем не шевельнул, понимаешь?..

Писательница Поливанова помолчала.

— Так все это представление в «Чили» затевалось ради Вадима? — Ее контральто стало расстроеным. — Ты его увидела, и мир перевернулся у тебя в голове, а сердце в груди, так, что ли?..

— Так, — призналась Катя горестно. — Я его сто лет не видела!.. Ну, с тех пор. Понимаешь?

— Хочешь, я приеду? — вдруг предложила Поливанова. — Еще не поздно! Я мигом! Куплю самого дорогого французского шампанского, рукколы и креветок, чтоб все как у порядочных. Какое там самое дорогое? «Мюэт и Шандом»?

— «Вдова Клико».

— А хоть бы и «Вдову»!

— Не надо, Мань. Спасибо тебе. Главное, мамы нет, понимаешь?.. Я бы маме все рассказала, а ее нет... — Слезы опять полились, салфетка, разрисованная синей ручкой, совсем промокла.

— Я эту рукколу терпеть не могу. Вот просто с души воротит! Как вы ее едите, непонятно. Может, лучше отбивных? Жирненьких, сочненьких, в пять минут нажарим! — Писательница Поливанова помолчала в трубке и вдруг спросила очень тихо: — А что, Кать? Все еще... болит?

Катя кивнула молча, как будто Поливанова могла ее видеть, и та поняла.

— Надо же... А я думала, прошло. Срок давности истек. Все долги заплачены. Сколько же можно?..

— Я тоже так думала. Но ничего, ничего не прошло, понимаешь?..

— Нет, — сказала писательница. — Не понимаю. Он тебе жизнь испортил. Ну, не всю, конечно, но какую-то часть точно испортил! И ты его все любишь, что ли?..

Катя только всхлипывала, и слезы лились, падали в чашку, из которой остро пахло больницей.

— Еду! — заключила Поливанова. — Везу этот самый «Дом» или, как ее, «Вдову»!

— Не надо, — пискнула Катя Митрофанова, но в трубке было уже пусто. Поливанова ринулась ее «спасать».

Повздыхав длинно, с оттягом, Катя глотнула из «больничной» кружки, поперхнулась и долго надсадно кашляла.

А потом перестала.

Ветер за окном все громыхал железом, и, пригорюнившись, она слушала громыхание и думала, что сделано столько ошибок — и все непростительные!.. И ничего не изменить, не поправить. Вот и Береговой ее ненавидит — зачем, за что?! Она всего лишь уволила его, испортив ему жизнь и карьеру!..

Ненавидит так, что готов убить.

Глаза опять налились слезами, горло свело, Катя изо всех сил распрямила спину и быстро задышала.

Было еще нечто ужасное в том, что выкрикивал Береговой — «в запале», сказала писательница Поливанова!.. Ужасное и невероятное настолько, что сознание отказывалось воспринимать. Но что-то же было!..

И это «что-то» обязательно нужно вспомнить.

Теперь ей казалось, что от того, вспомнит она или нет, на самом деле зависит ее судьба.

Катя быстро поднялась и пошла в ванную. В грушевидном антикварном зеркале — подарок Вадима на прошлый Новый год! — отразилось ее зареванное лицо с заплывшими глазами и синими разводами на лбу и щеках. Она рассматривала разводы и думала, что непременно надо вспомнить, но заставить себя мысленно вернуться в «Чили» и пережить все сегодняшнее еще раз никак не могла.

— А что это у вас, матушка, на физиономии? — громко спросила она себя, чтобы не вспоминать. — Трупное окоченение?..

Это было никакое не окоченение, а пятна от чернил, которыми она рисовала на салфетке, а потом утирала слезы, и на осознание этого у нее ушло некоторое время.

Она смыла пятна, опять посмотрелась в грушевидное зеркало и сказала, как давеча:

— Я больше не могу. Я не хочу!..

Нужно позвонить Стрешневу, вот что.

Позвонить и сказать ему, что она ни в чем не виновата! Чтобы хоть он не считал ее сукой и последней дрянью!..

Чтобы... хоть кто-то не считал ее такой!..

— Саша, это я, — бодро сказала она в телефонную трубку, пахнущую больницей. — Как ты поживаешь?..

Стрешнев, кажется, усмехнулся.

— А ты как?

— Я прекрасно, — сообщила Митрофанова. — Ты посмотрел бумаги от Канторовича?..

— Что это такое сегодня было?.. В «Чили»?..

— А что сегодня было в «Чили»? — позабыв о том, что собиралась каяться, Митрофанова ринулась в атаку. — Ничего не было! Я просто не успела тебя спросить, что прислал Канторович!..

— Прислал все, что нужно, — ответил Стрешнев не спеша. — Почему Береговой орал, будто ты причастна к убийству? Не знаешь?..

Вот оно!.. То, что надо было вспомнить!.. Вот то ужасное, от чего наотрез отказывалось сознание!

Да. Да. Береговой во всеуслышание заявил, будто она убивает людей, и поклялся, что он это докажет!..

— Саша, — голос у нее опять повело вниз. — Ты же понимаешь, что все это ерунда! Ерунда на постном масле! Он просто придурок! И был... — она вспомнила поливановское выражение, — и был в запале!..

— Ну, в запале не в запале, но сказал же!.. Он что-то знает, Катя?..

От его осторожного тона у Митрофановой похолодела спина.

Стрешнев... верит?! Верит, что она может быть причастна к убийству?!

— Саша, ты с ума сошел?! Поливанова тоже говорит, что я...

— Что говорит Поливанова?

— Будто я не хочу расследования и избавляюсь от свидетелей! — выпалила Катя. — Но это же... это же дикость какая-то!

— Поливанова детективы пишет, ей видней. Но история на самом деле странная. Странная, Катя!

— Береговой обозлился, что я его уволила, вот и все!

— Ты его уволила совершенно напрасно, но убийство тут ни при чем! В голове у нее стучало, и дышать было трудно.

— Ка-ать?..

— Ты где? Далеко? Поливанова сейчас приедет, и ты приезжай тоже. Нам надо поговорить.

— Поливанова приедет? — немного удивился Стрешнев.

Как правило, писатели не приезжали к издателям по ночам, чтобы потолковать по душам. Это было что-то из области фантазий Анны Иосифовны, добивавшейся идеальных, возвышенных отношений на работе и вне ее!..

— Ну, хорошо, — сказал он задумчиво. — Я тут совсем рядом. На набережной. Ставь чайник и открывай дверь.

Хорошо хоть не добавил — так и быть!..

Морщась от лекарственной вони, Катя вылила остатки «успокоительной смеси», собрала со стола залитые слезами мятые салфетки и посмотрела, что у нее есть к чаю.

Ничего не было. Даже самой заваливающей надкушенной шоколадки!..

В детстве мама читала ей сказки, и маленькая Катя Митрофанова горько рыдала, когда Буратино искал хотя бы куриную косточку, обглоданную кошкой. Искал и не мог найти, потому что ничего, ничего не было в каморке у папы Карло!..

Катя рыдала, а мама утешала ее, и, в общем, историю про Буратино они обе не очень любили, и прошлой весной заместитель генерального директора издательства Митрофанова с вполне определенным чувством не поставила в план именно эту сказку!..

Засопев от жалости к Буратино и к себе заодно, Катя расставила на столе три чашки, сахарницу и молочник — просто так, чтобы было побольше посуды и казалось, что стол красивый и богатый, — и пошла открывать. Она слышала, как стукнул, причаливая, лифт. Кто-то из них уже прибыл, то ли писатель, то ли издатель!..

Не глядя, она распахнула дверь, и тут в глубине квартиры зазвонил домашний телефон, почти всегда молчавший.

— Проходи, — пригласила Катя то ли писателя, то ли приятеля и повернулась, чтобы бежать на телефонный зов, но зацепилась шеей за что-то острое и жесткое, мгновенно впившееся ей в горло.

Захрипев, она попыталась сбросить это острое и жесткое, но только еще сильнее зацепилась.

Она рванулась, забилась, почти упала, и очень отчетливо и спокойно подумала, что сейчас умрет, потому что ей нечем дышать.

Весь воздух в мире кончился, и больше его не будет.

Не могу. Не хочу.

Это совсем не страшно. Уволенного начальника IT-отдела она испугалась гораздо больше, чем отсутствия воздуха. Лишь немного больно шее, но она знала, что боль пройдет, как только она перестанет биться.

Она перестала, и бестелесный голос сказал над ней почти нежно:

— Ты убийца. Я это точно знаю.

— Господи, почему ты опять такой бледный?!

— А?..

— Ты что?! Заболел?

Алекс стащил башмаки, посмотрел на себя в зеркало, но ничего там не увидел. Он часто смотрел — и не видел.

— Где ты был?

Волоча сумку за лямку так, что она почти ехала по полу, Алекс дошел до Даши и потянулся ее поцеловать, но она отстранилась. Вид у нее был недовольный.

Ну, конечно. Просидела весь вечер одна, покуда он таскался неизвестно где и с кем. Любая на ее месте...

— Алекс, я звонила тебе семь раз!

Семь — хорошее число, подумал Алекс. И, главное, она точно знает, что звонила именно семь раз. Отчего не шесть и не восемь?..

— Я не мог ответить. Я... был на встрече.

— С президентом?

Тут он вдруг заинтересовался и посмотрел на нее.

— Почему?..

— Ну, если ты совсем не мог мне ответить, значит, с президентом!

— Я встречался с прекрасной дамой. Такое объяснение сойдет?..

...Почему меня все время тянет ее злить? Она ни в чем не виновата. Зато я во всем — не отвечал, не звонил, не приехал вовремя, не повел в ресторан, не пригласил в театр, не подарил шубу или бриллиантовое кольцо!..

— Как ты мне надоел, — выговорила Даша у него за спиной. Голос у нее был расстроенный.

Он пожал плечами, плюхнул сумку на стул, откуда она немедленно съехала, вывалив все содержимое. Среди одного обнаружился хорошенький пакетик из аппетитной плотной бумаги. Анна Иосифовна заставила его «принять гостинец» — немного кулинарных шедевров кудесницы Маргариты Николаевны.

— Давай пить чай, а?.. — Это была попытка оправдания, довольно вялая. — Здесь пироги какие-то, прекрасная дама меня угостила.

— Я не хочу.

И Даша ушла в комнату, держа спину очень прямо, и он проводил ее глазами.

...Собственно говоря, этого ты и добивался, правильно? Ты все знал заранее! Знал, что нужно перезвонить, и не перезвонил. Знал, что обидится, и она послушно обиделась. Знал, что «прекрасная дама» ее заденет, — и задела!.. Зато теперь весь вечер свободен! Можно ничего не объяснять, думать, молчать. Можно вслед тоже на что-нибудь обидеться — все сойдет.

В эту минуту он себя ненавидел.

Нужно было что-то сделать, чтобы унять немного ненависть — лучше всего пойти сейчас к ней, обнять, поцеловать в ухо, попросить прощения за все грехи чохом, рассказать, где был, что делал и что видел, пожаловаться на то, что устал, и еще на то, что ничего не понимает!..

Никуда он не пошел. Разорвал хрусткую бумагу, вытащил пирог, сунул его в рот и включил компьютер.

Бабушка утверждала, что с таким характером лучше всего заделаться смотрителем маяка в Баренцевом море. Никаких людей вокруг, и всем легче!..

Компьютер развернул перед ним дивной красоты сайт издательства «Алфавит» с портретами писателей и сотрудников.

Писателей Алекс моментально закрыл, а сотрудников перелистывал долго и внимательно.

Особенно его интересовали Владимир Береговой, которого уволила Митрофанова, сделав «страшную глупость» — так, кажется, выразилась Анна Иосифовна, — и Надежда Кузьминична, начальник отдела женской прозы.

Береговой работал в «Алфавите» три года, приличный срок! Алексу понравилась фотография, очень смешная. Вернее, не столько фотография понравилась, а... как бы... отношение к процессу Владимира

Берегового: ему явно не было никакого дела, «вышел» он на снимке или нет!..

И еще понравилась «Памятка», придуманная, видимо, самим Береговым и размещенная так, что первым делом на глаза попала именно она, а не героическая биография и смешная фотография!..

«Товарищ, — было набрано крупным, красивым, уверенным шрифтом. — Помни! Если не включается компьютер, проверь питание! Не свое, а компьютера. Думай — если не печатает принтер, положи бумагу! В принтер, а не в туалет! Осознай — если не можешь зайти на «одноклассников», это не «Интернет не работает», а ты не работаешь! Интернет не есть «одноклассники». Научись — если компьютер «завис», выключи его и потом включи по новой! Знай — если комп не работает, будучи подключенным к розетке, а принтер не печатает, будучи заполненным бумагой, звони нам, и мы придем на помощь!»

Все это было забавно и характеризовало Владимира Берегового совершенно определенным образом.

Алекс вытащил из пакета еще один пирог, откусил, крупно написал на листочке: «Береговой — хороший парень», — и стал читать дальше.

У Надежды Кузьминичны оказалась вполне... окололитературная биография. Никаких полиграфических курсов при институте повышения квалификации металлургов. Филологический факультет, затем аспирантура — диссертация озаглавлена «Влияние творчества М. Горького на тему социалистического реализма в произведениях современных болгарских писателей», — работа на кафедре, затем в толстом журнале. Девяностые обойдены стыдливым молчанием. Судя по всему, Надежда Кузьминична не избежала участи, постигшей тогда всех филологов, зоологов, пушкинистов, постмодернистов и артистов, — продавала в палатке пиво или распространяла итальянскую косметику, произведенную в Малаховке. Затем некое крошечное издательство детской литературы, затем издательство побольше, потом еще побольше и, наконец, «Алфавит» — венец карьеры!..

На фотографии Надежда Кузьминична была представлена на фоне пылающего камина. У ног — огромная черная собака. Через ручку кресла живописно перекинут лохматый плед.

Должно быть, кадр «выстраивали» очень долго, несколько раз перекладывали плед. Похоже, «модель» пересаживалась эдак и так и на разные лады пересаживала свою собаку.

«Лежать! Лежать здесь! Вот молодец, хорошая девочка!»
Собака?.. Собака?!

Алекс вскочил, сильно ударившись коленкой, постоял, отвернувшись от монитора, и заставил себя вернуться за стол.

Он дважды видел такую собаку — если только у него не было галлюцинаций. Когда-то он почти поверил в собственное сумасшествие, но собака рядом с Надеждой Кузьминичной была реальной, непохожей на призрак!.. Фотография не фиксирует... привидений!

Надежда Кузьминична почему-то оказалась в том самом коридоре, где был найден убитый. Она никак не должна была там оказаться, и тем не менее!.. Именно она первой принесла «ужасную весть» Екатерине Петровне. Алекс был в это время в митрофановском кабинете, все видел и слышал.

В тот же вечер его избили так сильно, что он два дня не мог ходить и дышать.

В тот же вечер он в первый раз увидел ту самую собаку.

В тот же вечер ожили и задвигались чудовища, пожиравшие его изнутри, — молодая стремительная кобра и душный, тяжелый, как жернов, удав!..

Все началось в тот вечер, когда ему привиделась собака!..

Он снова посмотрел на фотографию.

Могла или не могла именно эта собака появиться на детской площадке, где его били? И тогда — что выходит?.. Выходит, что била его Надежда Кузьминична?! Литературная критикесса, филолог и начальник отдела женской прозы?!

И она же сегодня пробралась в усадьбу Анны Иосифовны, чтобы тайно наблюдать за ним?.. И притащила с собой собаку, которая промчалась столь быстро, что ее видел только он один, хозяйка так ничего и не заметила!..

Или он на самом деле... ненормальный? Видит то, чего нет?!

Он часто видел то, чего нет, — в прошлой своей жизни. Иногда видения эти оказывались мучительны, иногда прекрасны, но тогда он был уверен, что может контролировать игры собственного разума! А теперь, выходит, нет?!

Алекс еще раз посмотрел на фотографию, закрыл глаза и посидел так некоторое время.

«Перестань истерить! — брезгливо говорила Даша в подобных случаях. — Возьми себя в руки! Нельзя так распускаться!»

Он открыл глаза, посмотрел на свои руки и немного поразмыслил о том, как именно следует себя в них взять.

Нужно позвонить Береговому и договориться о встрече. Вряд ли он захочет встречаться с кем-то из «вражеского стана», то есть из издательства, значит, придется его уговаривать. Это первое.

Надо собрать как можно больше сведений о Надежде Кузьминичне и ее... собаке. Сам он не справится, значит, понадобится помощь. Это второе.

Необходимо разыскать Вадима Веселовского, который себе на горе в последний момент раздумал жениться на Митрофановой, оказавшейся не Екатериной Петровной, а «Катюшей», и поплатился местом!.. Порасспрашивать о «Катюше», об издательстве «Алфавит» и о царице Анне Иоанновне, то есть Иосифовне, конечно!.. Это третье.

Четвертое, пятое, шестое и сто восемнадцатое — почему это самое издательство, такое благодно-умильно-семейное, образцово-показательно-правильное, все больше и больше напоминает ему Зазеркалье, где все не то и не так, как кажется на первый взгляд?

Почему генеральная директриса морочит головы сотрудникам? И даже замам?! Что за нелепая игра в неумение пользоваться компьютером?! Зачем?! Так ли уж она беспомощна в том, что называется бизнес, или все ее повадки «доброй барыни» тоже театральная постановка в духе русских народных сказок?.. Кем она обернется, когда Иван-царевич верхом на сером волке явится ее спасать, — Василисой Премудрой, Кощеем Бессмертным или Бабой-ягой?!

Так ли на самом деле она любит своих «птенцов», которых подбрала выпавшими из гнезда в «трудные для них времена»? Надо же такому случиться, «трудные времена» выпали у всех сразу, и именно всех «добрая барыня» облагодетельствовала! Беспokoится она, переживает или — высматривает, выжидает, прикидывает, какую пользу можно извлечь из своих благодеяний?!

Почему она все время врет? Зачем? Она сказала, что не знает его и никогда не знала, и тут же намекнула на то, что нынче можно разыскать какие угодно сведения, даже самые секретные, и еще что-то про талант!..

...Что она может знать про мой... талант?! У меня больше нет таланта! Я знаю только один правильный ответ на замучивший меня вопрос: «Вы кто?!» Я никто.

Никто.

Того меня, который был когда-то талантлив, больше нет. От того меня осталась только оболочка, ходячая тряпичная кукла со всем набором кукольных недостатков — я теряю ключи, роняю телефоны, никуда не могу приехать вовремя, забываю звонить, не хочу разговаривать, плохо сплю! Я вынуждаю окружающих валандаться со мной, чтобы как-то напоминать им о том, что я живой. Все еще!

Этого себя, который стал тряпичной куклой, я знаю мало и плохо, и он меня не интересует. Он существует просто потому, что существует! Куда же его девать, он все же есть!..

Он есть, и он никто.

Но Анна Иосифовна ничего не может об этом знать!..

— Алекс! Что это такое?! Господи, я миллион раз тебя просила! А ты опять!

Он повернулся, уставился на Дашу и не увидел. Он часто смотрел — и не видел.

— Что?..

— Да ничего!

Раздражение. Он слышал только раздражение, как будто сгустившееся в некую туманность и надвигавшееся на него.

— Почему, почему вокруг тебя все время... помойка?! Нет, ну это невозможно! Зачем ты опять нарвал бумаги?!

— Я?..

— Ты, ты!.. — Резкими, сердитыми движениями Даша сгребла со стола кучу изорванных салфеток и сунула ему под нос. Он посмотрел на салфетки — белый ком в изящной женской ладони, ногти похожи на розовый миндаль — и закрыл глаза, пытаясь спастись. — И чашки! Ты что, пил сразу из трех?! Я устала за тобой убирать, мне надоели твои помойки!

— Не убирай! — предложил он, не открывая глаз.

— Я не желаю жить в помойке! А у тебя она кругом! Ты из нее не вылезашь. У тебя даже в голове помойка! И ты никак не можешь в ней разобраться.

— Я стараюсь.

— Я вижу, как ты стараешься! Ты сколько времени без работы просидел?! И палец о палец не ударил! Картошку бы пошел копать, что ли!.. Ну, нет, как же мы можем картошку! У нас высокие идеалы, а на остальное нам наплевать! Смилоствовались добрые люди, пристроили хоть куда-то, спасибо им за это! — Она отвесила земной поклон,

видимо, тем самым «добрым людям», которые «смилоствовали» над ним. — А сам-то?! Сам-то ты кто?!

У Алекса тяжело бухало сердце, разгонялось, набирало обороты, поднималось все выше к горлу, и змеи у него внутри застыли в охотничьем предвкушении, подняли головы, приготовились — жертва слабеет и вот-вот ослабнет совсем.

— Ты никто, понимаешь?! А тебе, между прочим, тридцать восемь лет! Ты ничего не можешь, ничего! Ты даже позвонить не можешь, хотя знаешь прекрасно, что я волнуюсь! Меня в следующий раз «Скорая» увезет, а ты и не заметишь! Почему ты себе позволяешь так обращаться с людьми?! Кто ты такой?!

— Никто, — выговорил Алекс. Это слово далось ему с трудом. Змеи дрогнули и замерли, приготовились атаковать.

— Вот именно! А ведешь себя как принц датский! Тебе на всех наплевать, ты ничего не ценишь! Я ухаживаю за тобой, ухаживаю!.. Я-то, в отличие от тебя, работаю все время! Каждый божий день! — Она постучала по столу розовым миндальным ногтем. — А ты даже посуду за собой убрать не способен! Ты отвратительный, избалованный, мерзкий ребенок! И никогда не вырастешь, потому что тебе удобно сидеть на моей шее! Ловко устроился! Ты меня извел, совсем, совсем!.. Салфеток нарвал! Сто раз просила — не рви ты их, или тогда покупай сам! Иди и покупай! Но ты и на это не способен!

Она сгрэбла со стола его бумаги, записки, блокноты, швырнула в мусорное ведро и заплакала.

Змеи ненависти молниеносно ринулись вперед, впились, — стало больно и нечем дышать, и руки затряслись постыдной мелкой потной дрожью.

— У тебя все время проблемы! Бесконечно, постоянно! — рыдала Даша. — Ты на улицу не можешь выйти! Ты сразу попадаешь под дождь, а потом у тебя температура сорок, и я тебе должна таблетки таскать! Больше не могу, не хочу!

— И не надо.

— Что?!

Он смотрел мимо.

...Ты все знал заранее, да?.. Собственно говоря, именно этого ты и добивался! Все началось не сию секунду, не сегодня и не вчера, и салфетки тут ни при чем. Ничего не выйдет — ты понимал это совершенно отчетливо, но... трусил, тянул, мямлил.

Не жалел. Не разговаривал. Не пускал ее в свою жизнь, огораживал территорию красными флажками.

Ты сам во всем виноват. Ты один. Даже точку не можешь поставить. И эту свою работу ты переложил на нее!.. Потому что тебе так удобно, и ты вроде бы ни в чем не виноват!..

Он молчал, и Даша знала, что он может так промолчать час или до завтра. Слезы капали, и она искала, чем бы их вытереть. Вытереть было нечем, салфеток не осталось, и она вытащила из ящика кухонное полотенце, пахнувшее жареным луком.

Они все еще были рядом — только протянуть руку, дотронуться, принять, простить. И оба знали, что так далеко, как нынче, они не были никогда, и руку не протянуть, и дотронуться уже невозможно.

Никто не спасет.

Да и спасать нечего.

Даша еще немного поплакала, а потом перестала. Огляделась вокруг, будто удивившись, как она сюда попала.

— Ты будешь ужинать, Алекс?

Он покачал головой.

— Все ясно, — заявила она определенным голосом, и тут он вдруг посмотрел на нее.

И улыбнулся.

— Ну и слава богу. Я рад, что тебе... все ясно.

Она швырнула полотенце в раковину и стремительно вышла из кухни.

Он еще посидел, потом медленно, как старик, поднялся, раскопал на полке какое-то пойло, хлебнул и вытаращил глаза.

Предполагалось, что пойло — некая водочная настойка, а оказалось, сироп от кашля. Даже выпить с горя у него не получилось, куда там!..

Ты никто. Ты ничего не можешь.

Змеи терзали и рвали его изнутри, и он знал, что за дело!..

Дело. Дело.

У меня же есть дело, и пока я не доведу его до конца, я не дам им себя сожрать. Пока не дам, а там посмотрим. Сейчас самое главное не думать, не разрешать себе, не отпускать себя! Делать хоть что-то.

Сверяясь с цифрами в записной книжке, выуженной из мусорного ведра, Алекс набрал номер.

В трубке пискляво прогудело. Он вытащил из раковины полотенце и вытер потную ладонь. Прогудело еще, и, переложив телефон, он вытер вторую. От рук сразу же запахло луком.

— Алло, да! — нетерпеливо сказал в трубке Владимир Береговой. Почему-то Алекс был к этому не готов.

— Здравствуйте, моя фамилия Шан-Гирей.

— Вы кто?!

Алекс стиснул зубы.

— Я новый сотрудник вашего издательства, и мне нужно с вами...

— Я больше не работаю в издательстве! И вас я не знаю.

— Тем не менее мне хотелось бы поговорить.

— О чем?! О Митрофановой?! — Береговой завелся с полоборота. — Это она вам велела со мной... побеседовать?!

— Владимир, меня никто ни о чем не просил. Давайте договоримся...

— Я не желаю договариваться с Митрофановой! — заорал Береговой. — Это она во всем виновата! И я это докажу! Она врет! Она только врет и гадит! Она... она сука, ясно вам?! Так ей и передайте! Я ее ненавижу! И если я... если я ее встречу, убью!.. К чертовой матери!..

Короткие гудки, и Алекс аккуратно положил опустевшую трубку на край стола.

...«Я убью ее, если увижу!»

Дурак, мальчишка, что ты знаешь о ненависти?! Которая пожирает изнутри, которая с тобой, даже когда ты спишь, ежесекундно готова к атаке?..

Алекс постоял, раздумывая, — ни звука не доносилось из глубины квартиры, — сунул ноги в мокрые ботинки, прихватил куртку и тихо прикрыл за собой дверь.

Он знал, что, когда вернется, в его доме никого не будет.

Он останется один. Как всегда.

Писательница Поливанова лихо заехала колесом на бордюр — машину сильно тряхнуло, и в багажнике звякнули бутылки.

— Вот черт возьми, — беспечно сказала она сама себе и так же лихо сдала назад. Бутылки уже не звякнули, а грохнули.

Огромная черная собака, бегавшая в отдалении, приостановилась и посмотрела с подозрительным неудовольствием.

Водила машину Поливанова очень плохо и даже немного этим гордилась.

Пыхтя, она выбралась под дождь и угодила прямым в лужу. Она то и дело попадала в лужи и падала на ровном месте.

— Вот черт возьми!..

Высоко, как цапля, задирая ноги, Поливанова обошла машину и нырнула в багажник. Бутылки все раскатились по углам, «кура-гриль» ускочила под огнетушитель, батон завалился под подушку. Маня Поливанова всегда возила с собой плед и думку — вдруг захочется соснуть в дороге!..

Хорошо хоть «главное» — корзиночку свежей клубники — догадалась поставить на сиденье, а не пихать в багажник. Получилось бы сейчас озерцо клубничного конфитюра!..

Какое дикое слово — конфитюр. Куда б его вставить, только так, чтоб оно означало вовсе не то, что означает на самом деле?..

— Прикинь, какой конфитюр, — собирая в пакет бутылки, Маня Поливанова попробовала слово на вкус. — Да это ж полный конфитюр!..

Какое-то движение вдруг почудилось ей за спиной, и она резко подалась из багажника, выпрямилась во весь гренадерский рост и прищурилась. Дождь моросил, попадал на очки, и видела она плохо.

Ничего и никого. Обыкновенный вечерний московский двор. В отдалении сопит какой-то «жигуленок», и свет из подъезда падает на сморщенную лужу. Все окурки ветром прибило к одному берегу, и они тыкаются друг в друга, как бесхозные рыбацкие лодки.

Рассеянно оглядывая двор, Маня Поливанова подумала, что хорошо бы в Заксенханс съездить, когда роман допишется. Скучнейшая страна Голландия, зато Северное море, лодки, селедка на жареном хлебушке в любом киоске, сильный ветер и вообще свобода!..

Черной собаки не было там, где Маня только что ее видела. Должно быть, домой увели — к полной миске, сухой подстилке и телевизору!..

Писательница Поливанова была совершенно уверена, что у каждой собаки должны быть подстилка, миска и добрые хозяева, у всякой старушки веселый внучок и великодушный зять, у девушки приличный молодой человек, а у ребенка добрая мама, пижамка и хорошая книжка.

Вот так правильно!..

А то, что сегодня произошло в издательстве и из-за чего мучается сейчас подруга Митрофанова, — неправильно!.. Вообще в издательстве как-то неладно, и тонкая писательская натура давно это подметила, но вот сегодня!..

— Конфитюр! — фыркнула Поливанова и выволокла из багажника тяжеленные мешки. — Сплошной конфитюр!..

А еще ж клубника!.. Корзиночка свежей клубники, предусмотрительно поставленная на переднее сиденье и даже пристегнутая ремнем. Тьфу, пропасть!.. Как же теперь ее доставать-то?..

Маня привалила пакеты к заднему колесу, кое-как захлопнула багажник и полезла в салон.

Тень, мелькнувшая перед капотом машины, на этот раз совершенно определенная, стремительно приблизилась, надвинулась, закрывая мутный свет фонаря. Поливанова взвизгнула, дернулась, сильно стукнулась головой и неловко повалилась на сиденье.

— Маня, ты, что ли?..

Потной от ужаса рукой она сдернула очки. Сунуть ключ в зажигание, захлопнуть дверь, закрыть все замки. Ногу на газ и попытаться спастись!..

Черт побери!.. Ключ! Ключ она забыла в багажнике!..

— Мань, что ты заметалась?! Я тебя напугал?!

— Фу-ты ну-ты!.. — Поливанова перевела дух, нацепила очки, помедлила в изнеможении и полезла из салона. — Сашка! А если б я тебя электрошоком?!

Стрешнев поддержал ее под монументальный локоток.

— А у тебя с собой специальный прибор?..

— Прибор! Чего ты подкрадываешься, да еще ночью темной?! Дурак совсем?!

— Да я только подъехал! И я не подкрадываюсь. И сейчас не ночь. Я смотрю — вроде машина твоя! И задница вроде тоже твоя!..

И впрямь стрешневский «Лексус» с заведенным двигателем стоял прямо перед Маниным носом, дверь нараспашку!

— Я хотел тебе помочь. Ты так... живописно торчала.

— Иди ты в задницу!

— Вот именно она и торчала.

— Пакеты забери. Они во-он, в луже стоят. И ключи я в багажнике забыла. Посмотри там, а?.. — Поливанова снова нырнула в салон и вытащила драгоценную корзинку. — А ты чего здесь?..

Хлопнула крышка багажника.

— Катя позвонила, — громко сказал Стрешнев, протискиваясь между машинами. — Сказала, что хочет поговорить. А я как раз поблизости был.

Писательница Поливанова, приготовившаяся утешать подругу клубникой, шампанским и задушевными разговорами, ничего не поняла.

Раз Митрофанова вызвала Стрешнева, значит, предполагается производственное совещание, что ли?.. Рассказывать о мужском свинстве, жаловаться на жизнь, рыдать, икать, биться головой, истерически хохотать полагается только в женском коллективе!..

Мужчины тут ни при чем.

Странно. Странно. Впрочем, сейчас все выяснится.

Стрешнев пристроил пакеты на лавочку, сунул Мане ключи, добытые в багажнике, и велел подождать, пока он найдет место, где бы ему поставить машину.

— Нынче нужно говорить — припарковаться, — сообщила Поливанова ему в спину. — Еще одно дурацкое слово! Мне оно напоминает доктора Айболита. Припарки! И ставит, и ставит им градусники!.. Обезьянам, да?.. Или ослам?..

— Я не слышу!

Место нашлось моментально — неподалеку от поливановской машины. Повезло. Хорошо, не пришлось в соседнем дворе бросать или на Ленинградке под знаком «Остановка запрещена».

Под дождем, с корзиной клубники, пакетами с едой и французским шампанским, о котором Маня несколько ревниво думала, что теперь придется делиться со Стрешневым, они зашагали к подъезду, и тут какая-то невменяемая машина влетела во двор, повернула так, что ее занесло, и ринулась на них.

Маня кенгуриным прыжком перескочила низкую оградку палисадника, Стрешнев попятился, закрываясь пакетами, автомобиль пролетел, обдав их грязной водой, притормозил, надал и пропал из глаз.

— Идиот! — заорала Маня, вытаскивая ноги из жидкой земляной каши. — Придурок!.. Чтоб тебя!..

— Держись, упадешь!

— Да пошел он!.. Нет, ну кто так ездит?! Во дворе! Права накупали, козлы проклятые, уроды!

Она вылезла из-за оградки и неистово потопала туфлями, но куда там!.. Ноги были в грязи по щиколотку, и никаким топаньем ничего не возможно улучшить, это уж точно!

— Осенью, Манечка, — сообщил Стрешнев нравоучительно, — в наших широтах полагается носить резиновые сапоги, а не в туфельках фигурировать! Поняла теперь правду народной жизни?

— Пошел ты тоже!

— Клубнику-то хоть спасла?..

Препираясь, они вошли в подъезд, и лифт сразу же распахнул створки, как будто поджидал их.

Маня все ругалась, переступала мокрыми, грязными ногами, рассматривала их и пыталась отряхнуть. В лифте сразу стало грязно, как на скотном дворе.

Странное дело, дверь в квартиру Екатерины Митрофановой оказалась приоткрытой, как будто тоже их поджидала.

Писательница Поливанова тут же полезла внутрь, продолжая бурно проклинать «недоумков и придурков», а Стрешнев притормозил.

— Кать, это мы! Ты представляешь, нас какой-то идиот на машине только что чуть не убил!.. Ка-аь! Ты где?! Чего у тебя дверь нараспашку?! — орала Маня.

Потом вдруг хрипло хрюкнула, и все смолкло.

Стрешнев ринулся вперед.

Алекс вышел из перехода и долго озирался, не понимая, куда идти. ...Деревня Юрьево или деревня Козлово? Налево или направо?..

Анна Иосифовна, да благословит ее бог, по телефону подробно растолковала ему, как добраться, и даже не спросила, для чего ему так срочно понадобился адрес Екатерины Митрофановой, и он, пристроившись на лавочке в метро, подробно все записал, только теперь никак не мог найти бумажку, на которой записал!..

Конечно, Даша права. Он сумасшедший, и его выходки невозможно терпеть нормальному человеку. Особенно близкому, которому есть до него дело!

...А Даше есть до него дело?.. Или когда-нибудь было?..

Дождь накрапывал, асфальт блестел тусклым масляным блеском, отсветы фар качались, надвигались и пропадали у него под ногами. Должно быть, не имело никакого смысла ехать так поздно, да еще без предупреждения, в дом к почти незнакомому человеку. Следовало завтра утром позвонить и договориться. А еще нужно было внимательно выслушать, как именно ехать, и бумажку с разъяснениями тоже терять не следовало!..

Но оставаться дома он не мог. Не мог, и все тут! Ненасытные змеи сожрали бы его, и Дашу заодно, а этого никак нельзя было допустить. Он и так слишком виноват перед ней.

Владимир Береговой был настроен не на шутку решительно, и Алекса это встревожило. Чего бы там ни наделала мадам Митрофанова, как

бы ни была несправедлива, взрослый уравновешенный человек вряд ли станет по этому поводу орать в трубку: «Я убью ее!»

Впрочем, если орет, значит, вряд ли убьет!.. Настоящая ненависть... тиха. Алекс знал это точно.

Он шел наугад, наступал в лужи, в ботинках хлюпало и даже пле-скалось. Он вдруг подумал, что ему хочется заболеть, как в детстве, и болеть долго и сладко — чтоб мама поила клюквенным морсом и еще какой-то вкусной штукой, сваренной из шиповника, меда и лимонных долек. Чтобы вечером пришел с работы отец, пахну-щий улицей, курткой и чужими людьми, присел к нему на диван и выложил на плед подарок — новую пожарную машину, непре-менно красную и с выдвжной лаковой лестницей, или книжку про пиратов с каравеллами, бригами, пушками и одноглазым корсаром в треуголке. Чтобы бабушка хлопотала над ним, но не слишком, а с веселым лукавством подыгрывала ему — уж ей-то все его хитрости были отлично известны!

С тех пор, как все сделалось сложно и перестало получаться... жить, он болел натужно, всерьез, тяжело и очень быстро надоедал окружаю-щим — еще бы! — и никто не ухаживал за ним особенно и не дарил красную пожарную машину!

...Налево или направо?..

Что он скажет мадам Митрофановой, если все-таки ему удастся до нее добраться?..

Добрый вечер, моя фамилия Шан-Гирей. Я решил нанести вам визит. Бумаги от Канторовича не привез.

Добрый вечер, я пришел проверить, не пристукнул ли вас не в меру темпераментный Владимир Береговой.

Добрый вечер, я только что расстался с единственным человеком, который казался мне близким. Во всем виноват я сам. Я ничего не смог — ни стать надеждой и опорой, ни сделать ее счастливой, ни заработать кучу денег, ни принять ее со всеми женскими штучками, в общем, вполне безобидными! Я лез в бутылку, вредничал, каприз-ничал, «считался», кто кому и за что больше «должен», — зачем, зачем?.. Скажите мне, мадам Митрофанова, все дело в том, что я просто пло-хой, никуда не годный человек? Объясните мне, почему у меня все не то и не так?

Впрочем, как и подробно записанный маршрут, сама мадам Митро-фанова потерялась и расплылась — ему то вспоминался пионерский

галстук, то ефрейторские лычки, то ее перепуганные глаза. Ко всему прочему, она еще оказалась Катюшей — кто бы мог подумать!..

Зачем она уволила Берегового? Что именно произошло у нее с человеком по имени Вадим Веселовский — действительно банальная любовная история или Анна Иосифовна выдумывает прекрасные сказки, уводя его от чего-то важного, главного? Почему Береговой орал, что Митрофанова во всем виновата? В чем именно?.. И что именно он собирается доказать? Что Митрофанова заколола ножом постороннего мужика в крохотной кладовой издательства «Алфавит»?!

А если с тем, другим, пока неизвестным ему Веселовским она обошлась точно так же, как с Береговым, значит, тот тоже имеет вполне веские поводы для ненависти! И... труп! В конце концов, пока так и не установлено, кем был тот человек, что делал в издательстве и какое имел к нему отношение! Может, и он был когда-то оскорблен мадам Митрофановой?..

Впрочем, это уже гадание на кофейной гуще.

Кофе хочется. Очень крепкого и очень горячего.

Алекс дошел до какой-то тихой улицы, на которой не было ни машин, ни людей, повернул исключительно потому, что ему понравилась ее совсем не московская опрятность и даже некоторая дождливая уютность, похожая на европейскую. Пожалуй, надо начинать все сначала — звонить Анне Иосифовне, извиняться, оправдываться, спрашивать адрес и маршрут, или таким образом он вскоре придет в Бельгию!..

Он сунул руку в карман, вместе с телефоном оттуда полезла какая-то бумажка, выпала, он подобрал и увидел, что это и есть маршрут с адресом — как он умудрился ее потерять?..

Тихая улица, на счастье, оказалась той самой, записанной на бумажке. Без труда он разыскал дом, здесь не было никаких корпусов с дробями — восемнадцать дробь три, корпус пять! — и производить сложных вычислений, по какой именно улице числится нужный дом, не понадобилось.

Какая-то машина с работающим двигателем стояла возле подъезда, перегородив дорогу так, что пришлось обходить ее по луже. В ней сидел человек и тыкал в кнопки мобильного, и был так занят и озабочен, и погружен в свой телефон, и настолько ему не было дела до всяких человеческих букашек, вынужденных из-за его машины лезть в лужу, что Алекс ему позавидовал.

Уметь бы так!..

Он всерьез струсил, войдя в лифт, где оказалось грязно, как будто в нем только что перевезли небольшую отару овец. Он даже некоторое время думал, куда бы наступить половчее, и чуть не упал.

...Что я ей скажу? Зачем я приехал? Как вообще стану с ней разговаривать?! Что подумает ее муж — у нее есть муж?.. Или дети? Или родители?.. С ними со всеми наверняка тоже придется объясняться!..

Квартир на этаже оказалось всего две, и, сверяясь с бумажкой, зажатой для верности в кулаке, Алекс позвонил в ту, которая ему требовалась.

...Или лучше уйти? Не создавать никому проблем?

В квартире громко говорили, слышались топот и даже плач, и, не раздумывая больше, Алекс толкнул дверь и вошел.

Везде горел свет, остро пахло бедой. Он очень хорошо знал этот запах — нашатырного спирта, сердечных капель и еще какой-то дряни. Бабушка умирала именно в этом запахе. Вид у нее был виноватый, ей было неловко, что она умирает и доставляет родным столько хлопот и огорчений. Человек в белом халате чем-то колот ее, мать совала под нос нашатырный спирт, а она все смотрела на внука — видишь, мальчик, как получилось?.. Ты, самое главное, не огорчайся, все это ерунда, подумаешь!..

На секунду Алексу показалось, что он потеряет сознание — от страха, того, давнишнего, когда он понял совершенно отчетливо, что бабушка сейчас умрет и больше ее никогда не будет.

...Нет. Остановись. Это чужая жизнь, чужая беда. Свою ты уже пережил.

Где-то что-то гроыхнуло, потянуло сквозняком, входная дверь у Алекса за спиной с грохотом затворилась, и в коридоре возникла очень высокая растрепанная женщина, показавшаяся ему смутно знакомой.

— Вы кто? — издали спросила она у Алекса. — Врач? Проходите! Да быстрее, что вы возитесь!..

У нее за спиной кто-то зашелся в хриплом кашле, женщина пропала из глаз. Алекс ничего не понял.

— Не надо никакого врача! — прокашляли из комнаты. — Ну, я же проси... просила!

— Лежи и молчи! Саша, держи ее!

Мадам Митрофанова сидела на узком диванчике, сильно наклонившись вперед. Окно было распахнуто, колыхалась белая штора, от-

крывая чернильную уличную осеннюю мглу. Растерянный Александр Стрешнев совал ей ко рту стакан, а Митрофанова мотала головой, морщилась и пыталась отодвинуться. Повсюду разбросаны какие-то пакеты и свертки, а на стуле почему-то боком приткнулась корзина.

— Здравсте, — хмуро поздоровался Стрешнев и отвернулся.

— За... за... зачем вы?... Кто... вас... — Митрофанова опять закашлялась и замотала головой.

— Меня никто, — сказал Алекс, помедлив. — Я приехал с вами поговорить. Я не знал, что вы больны.

— Она не больна! — загрохотала издалека давешняя смутно знакомая женщина. — Просто ее душили, и теперь она говорит не так чтоб очень!.. Да что ж такое происходит, господи боже ты мой!

Она выскочила из кухни, мешая ложечкой в очередном стакане очередную бесцветную жидкость. И уставилась на Алекса.

— Вы кто?!

Он вздохнул и завел:

— Меня зовут Александр Шан-Гирей, я работаю...

— Вы врач?!

— Я же просила не вызы... зы... зывать никаких врачей!.. — прокашляла Митрофанова.

— Да я никого и не вызывала, он сам вперся! На, выпей теперь вот это!

— Я не могу. Я не могу глотать.

— Так, все!.. Я звоню в «Скорую»!

— Не... не... на... да...

— Нада! — отчеканила женщина. — В «Скорую» и в милицию!

— Расскажите мне, — негромко попросил Алекс стрешневскую спину. — Что случилось?

Спина сделала оборот, Стрешнев глянул на него, глотнул из стакана, который держал в руке, и сморщился.

— Екатерину Петровну, — он подбородком указал на Митрофанову, которая корчилась на диване, словно уточнил, что именно эту Екатерину Петровну, — кто-то пытался... Ну, в общем, на нее напали и чуть не убили. Мы приехали, дверь открыта, она на полу. Мы ее подняли и перенесли сюда.

— Маня, не звони никуда, — выговорила Митрофанова таким голосом, как будто наглotalась папиросной бумаги, — ты что, не понимаешь, что этого нельзя делать?!

Алекс подошел и присел перед ней на корточки. Лоб у нее был очень белый и блестел от испарины, под глазами чернота, на щеках лихорадочные пятна и белые пленки на губах.

— Скажите хоть вы ей. — Митрофанова облизнула губы. — Скажите, что нельзя. Анна Иосифовна не переживет.

На шее у нее был длинный и узкий рубец, огненный, полыхающий.

...Душили? Митрофанову пытались задушить?! Вот только что?! Совсем недавно?! Пока он бродил по улицам, потеряв в собственном кармане бумажку с ее адресом?!

— Не звоните никуда, — велел он громогласной женщине, которая настырно тюкала кнопки телефона, и она воззрилась на него с изумлением. — Помогите мне! Где кухня?..

Он поднялся, закрыл окно и взял у Стрешнева стакан.

— Вы будете это допивать?

Тот покачал головой.

— Нет, я не поняла, почему не звонить-то?! — спросила женщина.

— Я вам сейчас все объясню.

Подталкивая ее вперед, очень неловко, Алекс вышел на кухню и прикрыл за собой дверь.

— Мне нужен мед, лимон и виски. И чай, лучше всего какой-нибудь травяной. Вы не знаете, где чай?

— Вы кто?!

Алекс забрал и ее стакан и аккуратно вылил содержимое обоих в раковину.

— Меня зовут Алекс, я работаю в издательстве «Алфавит» вот уже... несколько дней. — Он открывал и закрывал створки старинного буфета, самодовольно выпятившего потемневшее от времени пузо. — А вас?

— Нет, а откуда вы взяли-то здесь?! Или вам Митрофанова тоже позвонила?!

Алекс нашел коробку с чаем и теперь рылся в поисках меда.

— А вам она позвонила?

— Нет, я сама! — с вызовом сказала женщина и тряхнула головой. — Позвонила! И она попросила приехать! Чего вы устали-то?! Это рис, вы что, не видите?

— Мне нужен мед.

— В холодильнике мед!

Она прошла мимо, очень высокая, намного выше его, — в буфете задрожали и запели бокалы на высоких юбилейных ножках, — распах-

нула какую-то резную дверцу, за которой — о чудо! — оказался холодильник. Она подала ему малюсенькую увесистую баночку и съездившийся то ли от времени, то ли от холода лимон.

— Чего вы еще просили? Виски, что ль, вам?

Алекс кивнул, заваривая чай. Она пожала плечами, куда-то вышла и вернулась с бутылкой.

Он налил в большую кружку виски, довольно много, выжал половинку лимона и ложкой, очень аккуратно, стал накладывать мед.

— Что здесь стряслось? — спросил он, не поворачиваясь.

— Я толком не поняла, — тихо сказала женщина. — Мы с Сашей приехали. Катя ему позвонила и была в очень плохом настроении. Сегодня в издательстве вышла ужасно некрасивая сцена, я даже не ожидала!.. Володя Береговой шумел, и как-то очень... — она поискала слово, — очень страшно. Катя его уволила, и он кричал что-то ужасное! А слышали все, понимаете?

— Понимаю, — согласился Алекс. Он наливал в кружку чай, сосредоточенно глядя в самую середину чайной воронки.

— Я позвонила ей, а она Саше. Мы приехали...

— Вместе?

— А?.. Нет, сначала я, потом он подъехал. Мы на улице встретились. Поднялись сюда, а Катя на полу и почти без сознания.

— Почти или без сознания?

— Ну, какое-то время она точно была без сознания!.. Но когда мы вошли, она уже пришла в себя. Сидела на полу и кашляла.

— Как вы вошли? Она вам открыла?

— Нет, — быстро сказала женщина. — Дверь была не заперта.

— Это ваша сумка?

— Что?!

Алекс повернулся с кружкой в руке.

— Вот эта. Ваша?

На столе, накрытом к чаю, прямо посередине, стоял дамский риди-кюль. Он стоял как-то неловко, так что блюдце покосилось и съехавшая чашка лежала на боку.

— Нет, это Катина! А что?!

— Как вас зовут?

— Маня, черт возьми! — вдруг взорвалась женщина и запустила пятерню в свою и без того расстроившуюся прическу. — Что вы все

выспрашиваете? Моя сумка, не моя! Кто приехал, куда приехал!.. Надо в милицию звонить, а вы!..

— Тихо-тихо-тихо, — быстро перебил ее Алекс, и она опять устала на него с изумлением. — В вашем издательстве происходят странные события. Одно за другим. Милиция тут никак не поможет, а репутацию на самом деле можно потерять навсегда, понимаете?

Она кивнула, разглядывая его.

— Насколько я знаю, Анна Иосифовна никогда не привлекает к своим делам... посторонних. Издательский мир устроен своеобразно, — он улыбнулся в ее растерянные глаза. — Авторы должны доверять издателю, иначе они понесут свои бессмертные произведения конкурентам.

— О, да! — кивнула Маня, как ему показалось, с удовольствием. — Это точно.

— Я не думаю, что издательство, где убивают рабочих и душат начальников, может у кого-то вызвать симпатию и доверие.

— Я вас откуда-то знаю, — объявила она. — И это занятно, что вы объясняете мне, как устроен издательский мир! Вы писатель?

— Нет.

— Тогда, стало быть, издатель.

Алекс пожал плечами и вышел.

Маня посидела, раздумывая, и вышла следом за ним.

Митрофанова, держа кружку обеими руками, крохотными глотками пила невиданный чай. Стрешнев собирал с пола раскатившиеся свертки. Маня тоже подобрала один.

«Колбаса «Салями миланская» — было написано на ценнике, и она вдруг подумала, что они с Митрофановой собирались пировать. Утешать друг друга в своих несчастьях, заедать их колбасой с клубникой и запивать шампанским.

Какие там несчастья!..

Станный тип возился в коридоре, кажется, ползал по полу. Мане было видно его спину и задравшийся над ремнем джинсов свитер.

— Это кто такой? — шепотом спросила она у Стрешнева. — Откуда он взялся?!

— На место Веселовского взяли. — Стрешнев покосился на Митрофанову. — Кто, откуда, ничего не известно.

— Я прошу прощения, — сказал тип, внезапно возникнув на пороге. — Там стоят туфли. Очень грязные.

— Это мои! — громко сказала Маня, которой стало неловко. — У нас сегодня просто день ЧП! Меня чуть машина не задавила!

Митрофанова зашла в кашле, расплескала чай, и Стрешнев посмотрел укоризненно.

— Да никто тебя не давил! Просто какой-то джигит налетел, как раз когда мы к дому подходили. Его занесло, Маша испугалась и оказалась на клумбе.

Алекс вдруг вспомнил машину, перегородившую тихий дворик, и человека в ней.

— Я сейчас, — пробормотал он. — Сейчас...

Он выскочил на лестницу и скатился кубарем вниз, позабыв про лифт.

Ветер ринулся навстречу, раскидал волосы, немедленно залепившие глаза. Алекс замотал головой.

Никакой машины, конечно же, не было возле подъезда.

Только вдалеке по освещенному квадрату мокрого асфальта неспешно пробежала большая черная собака. Замерла на миг, повернув голову в его сторону, и пропала с глаз.

Береговой открыл задницей дверь в палату — руки были заняты, — состроил радостно-бодро-утешительное лицо, повернулся и заговорил с ходу очень громко и очень фальшиво:

— Mam, привет, ну, как ты? Я тебе звонил, звонил, а ты трубку не берешь! Ты что тут? Загуляла?..

— Володя, сыночек, зачем же ты приехал? Такие пробки, целый день по телевизору показывают! Ужас, что творится!

Береговой аккуратно пристроил пакеты на стул. В одном было чистое белье, а в другом термос с бульоном, паровые котлеты, над которыми он вчера страдал полвечера, книжки и диски. Приучить мать смотреть кино с флешки у него пока никак не получалось, приходилось валандаться с дисками.

Он вытащил из пакета термос, водрузил его на стол и объявил матери, что она очень хорошо выглядит.

— Ну, конечно, — согласилась та грустно. — Володь, ты бы все-таки позвонил сначала, а уж потом ехал! Мне ничего не нужно, ты занимайся своими делами, зайка!..

Зайка тридцати лет от роду и метр девяносто ростом нагнулся и смачно поцеловал мать в нос. Она улыбнулась ему радостной девчачьей улыбкой.

— Я и так отдыхаю в этой больнице, как никогда в жизни не отдыхала!.. И лечат, и ухаживают, и подают-убирают.

— Скоро твоя курортная жизнь закончится и придется домой возвращаться!.. Так что ты расслабляйся пока.

— Да я и так... на всю катушку. Ты же видишь.

Береговой все видел.

Мать худела и бледнела день ото дня. Операция, маячившая на горизонте уже почти месяц, все откладывалась и откладывалась, и они оба не понимали почему. Мать очень боялась, изо всех сил скрывала страх, но сын знал это так хорошо, как будто она к каждому слову прибавляла «боюсь, боюсь, боюсь»! Они говорили друг другу ничего не значащую ерунду, натужно шутили, рассказывали последние новости из телевизора, и во всем этом было одно — ее болезнь и страх.

Врачи ничего не объясняли толком, и на все приставания Берегового строгий заведующий отделением Николай Карлович только сопел и шевелил бровями. А однажды расшумелся и выгнал Владимира за дверь — что вы все ходите, работать мешаете, когда надо, тогда и сделаем операцию, и вообще я вам ничего не обещал!..

Раз «ничего не обещал», значит, дело плохо, вот как понял заведующего Береговой. Значит, надежды почти нет. И вполне может стать, что операции никакой не будет вовсе, мать вернется домой, и... и...

Дальше он думать не мог. Как будто дверь закрывалась — дальше нельзя.

— Мам, смотри, вот тут котлеты, только их надо погреть. — Он заговорил опять очень быстро и громко. — Я рецепт у Вайля перепер, «Русская кухня в изгнании», блеск! Я даже лук на терке тер! На мелкой! Ты знаешь, что получается из лука, если тереть его на терке?..

Мать смотрела на него с грустной улыбкой.

— Из него получается лужа! Самая натуральная лужа. И вообще его надо тереть в противогазе. Но я справился! А потом еще белки взбивал, а из желтков себе яичницу поджарил, только она вышла странная.

— Володь, что случилось? — перебила его мать.

— А что такое? — удивился Береговой, как ему показалось, очень натурально. — В каком смысле случилось?

— У тебя все в порядке?

Он по одному выуживал из пакета диски в целлофановых пакетиках и складывал друг на друга. Сначала долго копается в пакете, потом выудит, положит и посмотрит!..

— У меня все чудесно, — уверил он, вытащив последний. — Я устал чего-то.

— Вот и не ездил бы!

— А котлеты?..

— Сам бы и ел!

«Сам» он ничего не ел — одному ему было неинтересно. Он даже сыр ленился себе отрезать, кусал от целого куска, заедал батоном и захлебывал остывшим чаем, и все было невкусное, пресное, жесткое, как картон.

Вся жизнь Владимира Берегового с тех пор, как заболела мать, стала похожа на картон.

И еще Митрофанова выгнала его с работы.

...Меня выгнали с работы, представляешь, мама?! Меня никогда раньше не выгоняли, да еще публично, да еще так унижительно! Я был к этому не готов. Нет, в трудностях закаляется характер, это всякий понимает, но вдруг характер так и не закалится, а деньги кончатся совсем?! Что мы с тобой станем делать, мама?! Как я буду тебя спасать?! И мне страшно. Я совсем большой мальчик, но если бы ты знала, мама, как мне страшно!.. Я совсем один.

— Тебе бы в отпуск, — сказала мать, рассматривая его. — Может, хоть денька на три съездил бы, Володя? Вон хоть в Завидово! Ты же любишь речку...

— Какая речка! — воскликнул Береговой, опять очень «натурально». — Ноябрь месяц на дворе! Скоро снег пойдет. Вот ты поправишься, вместе тогда съездим.

— Ну да, — тут же согласилась мать. — Конечно.

Они помолчали, думая об одном и том же — как им страшно и не верится в то, что может вернуться прежняя прекрасная беззаботная жизнь с выходными в Завидове, детективом по вечерам, чаем с чем-нибудь «вкусным» из любимой кружки и поездками по магазинам — Береговой ненавидел эти поездки!

Странная штука. Раньше ему казалось, что живет он трудно, гораздо труднее, чем все остальные люди, и только недавно он понял, как легко и весело ему жилось на самом деле!..

— Mam, я не завтра приеду, а послезавтра...

— И послезавтра не вздумай! Мне ничего не нужно! За бульон спасибо и за Вайля тоже, в смысле котлет, но здесь прекрасно кормят, как в ресторане!

— Ясный хобот.

— Володя!

— Ну, это просто такое выражение, мам.

— Привези мне детективов, — попросила она. — Вот Покровская мне нравится! Ее твое издательство издает, да?

Береговой чуть не завыл.

— Умных книг не вози, там одна тоска! А Покровскую можно. У нее про любовь хорошо получается. И про убийства! — Она засмеялась. — Я прошлую ночь заснуть не могла, все читала. И ведь никак не оторвешься!

Береговой погладил ее по голове, как нежный родитель, и она пошла его провожать. Вниз он ее не пустил, только до лифта, и потом все вспоминал, как она засмеялась и попросила детективов!

Он вышел на улицу, вдохнул сырой, морозный воздух и поднял воротник куртки. Было ветрено, сыпала крупа, и туча, свинцовая, тяжелая, нависала над больницей и дальним лесом. За воротник все равно попадало, на шее таяли ледяные крупинки, и он бежал все быстрее.

Зачем он бежит?.. Торопиться все равно некуда. Единственное сегодняшнее дело — захватить к матери — уже завершено. И дальше что?..

Береговой почти добежал до машины, нащупал в кармане ключи, и тут его окликнули:

— Молодой человек!

Он оглянулся, прищурился, ничего не понял. Смахнул с ресниц снежинки и моргнул.

К нему неторопливо приближалась Марина Покровская — та самая, что «хорошо» писала про любовь и «страшно» про убийства. Никак не оторвешься!..

— Вы Владимир, да?..

— Да, — пробормотал он с некоторым сомнением, рассматривая ее.

В издательстве они встречались очень редко. Покровская посещала исключительно «бабкин терем», пятый этаж, где царил Анна Иосифовна, а он все больше торчал у себя в кабинетике. Несколько раз водитель привозил к нему в отдел ее ноутбук с коротенькими записочками, вроде «через три минуты после запуска уходит в черное поле» или «виснет сразу после сохранения». Береговой вправлял ноуту мозги и возвращал водителю — с «самой» не разговаривал ни разу.

В последний раз он видел ее в «Чили» — в тот самый гадкий день его жизни!.. Вспомнив, как именно все было, Береговой тяжело по-

краснел, до лба, до корней волос, и шее, на которую сыпался снег, моментально стало жарко.

— Я не хочу!

— Чего не хотите? — удивилась Покровская.

...Ничего не хочу! Вспоминать не хочу. Заново переживать унижение. Выглядеть идиотом или буйнопомешанным. Разговаривать с вами не хочу тоже. Почему я сказал это вслух?..

— Владимир, — начала писательница Покровская проникновенно и так же проникновенно взяла его под руку. Он уставился на ее перчатку на рукаве его собственной куртки. — Уделите мне несколько минут. Мне бы хотелось...

Вдруг со стороны автобусной остановки, на которой толпился народ, жался от снега под узкую крышу, набежала какая-то тетка в длинном пальто. Шапка съезжала ей на глаза, и она то и дело нетерпеливо задирала ее.

— Ой, здрасте, вы Марина Покровская? Я вас сразу узнала! А вы как здесь? Или у вас тут лежит кто?.. Можно мне автограф? Ой, мы все, все вас читаем! На работе девочки только и ждут, когда новая книжка появится!.. Только вы больно долго пишете! Если я расскажу, что вас видела, никто не поверит!

Пока разбирались с бумажками и ручками — «ой, а у вас есть чем написать, а то у меня нечем!» — Береговой пришел в себя.

Писательница Покровская сияла улыбкой, кивала, обещала, что вскоре выйдет новый интересный роман, передавала приветы всем, всем «девочкам на работе, которые ее читают», и немедленно согласилась «сфотографироваться вместе на телефон».

Народ на остановке смотрел во все глаза.

Потом она сунула Береговому теткин телефон — «сфотографируйте нас, пожалуйста!» — вместе с теткой посмотрела, хорошо ли вышло, еще раз передала всем приветы, взяла у него телефон, вернула счастливой владелице и как-то моментально забралась в его машину.

Береговой заглянул — и впрямь сидит!..

От остановки потянулись еще какие-то люди, и Покровская командовала тихо и решительно:

— Быстро! Садитесь, и поедем!..

Береговой сел за руль, и они поехали.

— Ничего страшного, конечно. Просто пришлось бы автографы еще час раздавать, а я замерзла, пока вас дожидалась. — Она оглянулась на

остановку, размотала шарф и вздохнула. — Я вообще-то так никогда не делаю, но сегодня холодно очень.

— Холодно, — согласился Владимир Береговой.

— А кто у вас в этой больнице?

— Мама.

— И... что у нее?

Он пожал плечами, и продолжать расспросы она не решилась. Он тоже ни о чем не спрашивал — никак не мог взять в толк, что происходит.

...Что происходит-то?!

Покровская искоса посмотрела на него, и он взглянул тоже. У нее горели щеки — видно, и вправду долго пробыла на улице. От шарфа, который она держала на коленях, пахло духами, тревожно, волнуяще. На коротких волосах, постриженных как-то беспорядочно и непонятно, блестели капельки воды. Длинные ноги в джинсах почти упирались в панель, но сказать, чтобы она отодвинула кресло, Береговой не решился.

А еще у нее был портфель. Не дамская сумочка размером с ладошку, а именно портфель, довольно потасканный, на широком длинном ремне. Он ей мешал, и в конце концов она засунула его в узкую щель между сиденьем и дверью. И вздохнула с облегчением.

— Владимир, — начала Покровская совершенно тем же тоном, что давеча на улице. — Мне нужно с вами поговорить. У вас есть время?

— Сколько угодно. А что случилось? И как вы... меня нашли?

Она самодовольно улыбнулась.

— Я же пишу детективы, Владимир! У вас есть сотрудница по имени Жанна?

Береговой хмуро взглянул на нее и уставился на дорогу. Метель все усиливалась, и ехал он медленно. Будь его воля, он бы вообще остановился!.. Он ничего не понимал, и разговаривать не желал, и решительно отказывался осознавать, что знаменитая Марина Покровская, краса и гордость издательства «Алфавит», любимая писательница его матери, сидит сейчас рядом с ним в его собственной машине!..

...Я не хочу!..

— Так вот, Жанна. Она вас обожает, Владимир! Я позвонила к вам в отдел и сказала, что у меня опять не работает компьютер. А починить его можете только вы, ибо я больше никому, никому на свете не могу

верить свои бесценные рукописи! И я спросила, как мне вас найти. И они, конечно, не смогли от меня отвертеться! Ну, то есть Жанна не смогла. Она сдала мне все пароли и явки, Владимир! То есть мобильный, домашний, мамин и все имеющиеся в ее распоряжении телефоны! И сказала, что по средам вы уж почти месяц посещаете триста девятнадцатую клиническую больницу и на работу приезжаете не раньше двенадцати. Я произвела нехитрые вычисления... — тут он глянул на нее внимательно и с подозрением, но Покровская была совершенно серьезна, — ...вызвала такси, и вот я здесь, Владимир!

— Почему вы все время называете меня Владимир?

— А разве вы Петр? — удивилась Покровская.

На этот вопрос Береговой не смог ничего ответить, и некоторое время в машине царил молчание.

Снег летел, и «дворники» мотались по лобовому стеклу.

— Слушайте, — вдруг сказала звезда совершенно обычным, нормальным, человеческим голосом. — Я все понимаю! Нет, на самом деле все! Я вам нехитрая, и мы почти незнакомы, но, ей-богу, мне нужно с вами поговорить!..

Береговой вспомнил, что Ольга из отдела русской прозы тоже повторяла, что должна с ним поговорить, а потом показала фотографии трупа, которые выложила в Интернет!.. И сказала, что во всем виновата эта сука Митрофанова!..

— Вы знаете, что Катю Митрофанову пытались убить?

— Да ладно!..

— Да не ладно!..

Береговой опять взглянул внимательно. Она была очень серьезна. Даже покивала, подтверждая, — да, да, пытались!..

— В ее собственной квартире, между прочим! Как раз в тот день, когда вас... ну, когда она вас вышвырнула, короче! То есть произошла вся эта петрушка в «Чили», вы публично пообещали доказать, что она чуть ли не укукошила того типа, и вечером ее пытались задушить!

— Я не пытался ее душить!

Покровская нетерпеливо взъерошила и без того взъерошенные волосы.

— Да я и не утверждаю, что пытались именно вы! Но, согласитесь, мотивы у вас были! И есть.

— Идите. Вы. К чертовой. Матери, — четко и раздельно выговорил Владимир Береговой, съехал на присыпанную мокрым снегом обо-

чину и тормознул так, что Покровская почти ткнулась носом в свои джинсовые колени. — Выметайтесь. Я вас дальше не повезу.

Она покрутила головой и фыркнула. Кругом был лес, пустая дорога, снежная круговерть.

— У вас есть сигареты?

— Выметайтесь из моей машины!

— Тю!.. — сказала писательница, как ему показалось, с некоторым уважением. — Сама не пойду. Вытаскивайте силой.

«Дворники» стучали, и снег летел.

— Что вы знаете об убийстве, Володя? С чего вы взяли, что Митрофанова к нему причастна?

Он молчал. Ему вдруг пришла в голову ужасная мысль.

— А... когда ее пытались задушить?

— Вечером того же дня, когда она вас выперла.

— Это... точно?

— Абсолютно.

...Я был возле дома Митрофановой. Тем самым вечером. Я приехал, и уезжал, и снова возвращался, и даже напугал какую-то парочку с пакетами и нелепой корзинкой!.. Я приехал, чтобы показать ей те самые фотографии и заставить ее во всем сознаться!.. Я был очень зол на нее. Я пытался ей звонить, но она не подходила к телефону!.. Конечно, я уехал, даже в подъезд не заходил, но я же был там!..

Об этом никто не должен узнать. Женщина, которая сидит рядом с ним, — враг. Она сильна и опасна.

Его выгнали с работы под совершенно нелепым предлогом. Теперь его могут засадить за решетку — просто так. Потому что они сильнее, они явно что-то скрывают. Им нужна жертва, и жертвой назначен он, Владимир Береговой.

Он бы с удовольствием задушил и Митрофанову, и эту, что сидит рядом, тоже!..

— Девочка, разве так можно? — Анна Иосифовна стремительно поднялась, подошла и положила Митрофановой на лоб узкую прохладную руку. — Вроде бы температуры нет. Но все равно нужно было остаться дома и как следует отлежаться! У тебя же совсем голос пропал!

— Ничего, — мужественным контральто, чем-то напоминающим поливановское, отозвалась Катя. — Я и так два дня не выходила на работу, а больничного у меня нет.

— Ах, какие глупости! — отмахнулась директриса. — Больничный! Тебе нужен не больничный, а крепкий чай с молоком, теплое одеяло и хорошая книжка! Я сейчас распоряжусь, и тебя отвезут домой.

— Не стоит, Анна Иосифовна! — взмолилась Катя. — Я вас прошу! Я нормально себя чувствую, не надо меня домой!

Ей не хотелось домой — еще бы!.. Там было страшно, холодно и все еще пахло лекарством — так ей казалось. И коврик, по которому она ползла, пытаясь дышать, ползла и билась головой о стены и мебель, так и лежал, свернутый, в прихожей. Почему-то она до сих пор его не выбросила. И ей все время не хватало воздуха. Она держала окна открытыми — и все равно не хватало.

— Н-ну, напрасно, — с сомнением протянула Анна Иосифовна. — Не люблю, когда дети болеют! Есть в этом нечто неправильное. Болеть должны старики.

Катя, подыгрывая, улыбнулась благодарной улыбкой хорошей девочки. Если бы Анна Иосифовна знала причину ее «болезни», наверное, сошла бы с ума.

Или нет?..

Она всегда преувеличенно беспокоилась о своих великовозрастных «детях», собранных в издательстве, «под крылышком», вникала в их дела, иногда неожиданно подкидывала денежек в виде каких-нибудь премий, отправляла в дорогостоящие командировки, и Катя Митрофанова вдруг первый раз в жизни подумала, что понятия не имеет, так ли уж ее любит Анна Иосифовна, или все это делается для того, чтобы скрыть крайнее равнодушие — и к людям, и к жизни.

— Мы все какие-то странные в последнее время, — задумчиво произнесла директриса и вздохнула. — Впрочем, это понятно и объяснимо. Даже Саша, на что уж сдержанный мальчик, но нервничает, нервничает, я же вижу!

Саша нервничает?.. Митрофанова удивилась. Ничего подобного она за Стрешневым не замечала, хотя общалась с ним гораздо больше Анны Иосифовны. Или та что-то знает, чего не знает она, Катя?.. Нет, он, конечно, друг — до известной степени! — но расслабляться нельзя ни на секунду, иначе друг обойдет ее на повороте, оставит позади, уйдет вперед, только его и видели.

— Ну, ничего, ничего. Скоро Новый год, выпадет снег, укроет все наши печали, и заживем мы по-прежнему, хорошо и спокойно. Правда, Катюша?..

Митрофанова думала о Стрешневе.

— А?..

Директриса усмехнулась — едва заметно.

— Что там с программой продвижения Манечкиного романа?..

— Я принесла распечатки, Анна Иосифовна. Вот, взгляните. Это предполагаемые затраты на прямую рекламу, ну, там все, как всегда, — метро и «наружка», а это планы по встречам в крупных книжных магазинах. На первом месте, конечно, «Москва»...

— К Леденевой надо бы съездить, — озабоченно вставила Анна Иосифовна и черкнула что-то на хрусткой бумажке с ее личным вензелем. Блеснуло золотое перо. — Сто лет не виделись!

Мариной Леденевой звали директора огромного книжного магазина на Тверской.

— Потом питерский «Буквоед». У них всегда продажи хорошие, и Поливанова очень любит в Питер ездить. Ну, то есть Покровская, — сказала Митрофанова.

— Любит, отправим, — директриса улыбнулась доброй улыбкой и любовно взяла со стола свежесдобитую Манину книгу. Осмотрела со всех сторон, кажется, даже погладила и едва удержалась, чтобы не прижать ее к груди. И спросила, не меняя тона: — Зачем ты уволила этого славного мальчика из электронного отдела? Нехорошо, Катюша!..

Митрофанова подняла глаза от бумаг и уставилась на безмятежную директрису. Вдруг стало трудно дышать, и шею — в том самом месте! — как будто вновь стянуло ремнем.

— Анна Иосифовна...

— Да-да, тебя, конечно, огорчило чудовищное происшествие, и тебе было особенно трудно, ты же осталась одна, и я никак не могла помочь. — Тем же любовным движением директриса вернула книгу на стол и посмотрела на Митрофанову.

Глаза у нее были ледяные и плоские, как у рептилии.

Митрофанова коротко перевела дух, и краснота стала подниматься с ее шеи вверх, залила щеки, лоб, и уши запылали.

— Я не могла ни помочь, ни проконтролировать тебя, моя девочка, — продолжала Анна Иосифовна. — И ты наделала непростительных ошибок. Во-первых, наказала ни в чем не повинного человека неизвестно за что. Во-вторых, заставила его всех нас ненавидеть. В-третьих, устроила скандал. Скандал в нашем издательстве, в присутствии раз-

ных, совершенно посторонних людей! Ведь, насколько я знаю, Вадим тоже почему-то там оказался, да, Катюша?

Митрофанова кивнула, как зомби.

— Ты была растеряна, я все понимаю, но ты руководитель, и тебе отлично известны принципы — не только мои, но и всего издательства!.. Мы никогда и ни с кем не расстаемся врагами. Мы никогда не бываем замешаны в скандалах ни с авторами, ни с конкурентами, ни с налоговой службой! Мы делаем все для того, чтобы нам доверяли самые разные люди. Вот хотя бы Марина Леденева, директор магазина «Москва»! Уверяю тебя, ей небезразлична наша репутация. Она направляет к нам начинающих авторов, именно у нас заказывает подарочные издания, мы вместе проводим благотворительные акции! Ей ни к чему наши скандалы! Ты не подумала об этом, Катюша?..

Митрофанова помотала головой. Как зомби.

— Тебе придется исправить положение.

Митрофанова не поднимала глаз.

— Ты меня слышишь, Катюша?..

— Как исправить, Анна Иосифовна? Я готова...

— Нет-нет, сию минуту ничего не нужно делать, Катюша! Только когда ты поправишься и придешь в себя...

— Я целиком и полностью в себе, — заявила Митрофанова мрачно, и Анна Иосифовна мельком улыбнулась, как улыбаются родители наказанным, но уже почти прощенным детям.

— Вот когда у тебя появятся силы, ты, во-первых, восстановишь мальчика на работе и, конечно же, перед ним извинишься. Во-вторых, ты должна пообещать, что все решения такого рода будешь согласовывать со мной. В-третьих, тебе стоит немножечко подправить собственное поведение. Ты очень темпераментная и вспыльчивая девочка. — Митрофанова была уже вся красная, словно из бани, но директриса безжалостно продолжала препарирование. — Это от молодости, это пройдет, но мне бы хотелось, чтобы в будущем ты не принимала столь скоропалительных решений. Ну? Что ты?

— Ни... ничего, Анна Иосифовна, — выдавила Митрофанова. — А если он, Береговой, я имею в виду, не захочет возвращаться?..

— Ты его уговоришь, Катюша.

Это было сказано железным тоном.

После чего Анна Иосифовна поднялась из-за стола, погладила ее по голове и захопотала насчет чаю с лимоном и медом, от которого Катя наотрез отказалась.

— Что ты такая красная? — первым делом спросила секретарша Настя, когда она выскочила из «бабкиных покоев». — У тебя температура?

Митрофанова промычала нечто нечленораздельное и кинулась по лестнице вниз, не дожидаясь лифта. Ни видеть людей, ни разговаривать с ними она не могла. Впервые в жизни директриса устроила ей выволочку, от которой огнем горели уши и щеки, и где-то примерно на уровне живота было противно, и как будто что-то скреблось.

Впрочем, кошки скребут как раз на душе, но душа не может же находиться в животе!.. Или может?..

Анна Иосифовна несколько минут посидела, размышляя, потом порылась в крохотной лакированной сумочке и достала мобильный телефон. Звонить по городскому не стала — Настя могла подслушать.

— Ты знаешь, — задумчиво сказала директриса, когда ей ответили, — все же она подозрительна!.. Я так и не поняла, зачем она проделала такой фортель, да еще сразу после убийства, будь оно неладно!.. Или он что-то знает, этот Береговой? Или мог что-то узнать?.. — Она послушала немного и кивнула. — Я думаю поговорить с Алексом. Да, очень странный. Но если он хотя бы вполовину так умен, как мне кажется, мы получим все, что нам нужно, и без всяких усилий!..

Она нажала «отбой», рассеянно подумала, как жаль, что нельзя закурить — установленные ею самой правила были очень жесткими! — переставила штучки на столе, поднялась и подошла к окну.

Ну, вот и снег. Слава богу. Анна Иосифовна улыбнулась. Кончилось тягостное и унылое ожидание зимы, значит, вскоре окончится все неприятное, затянувшееся так надолго!.. В издательство привезут елки, достанут из кладовых короба с игрушками и лампочками, и все будут улыбаться, перешагивая через растянутые по полу гирлянды. Озабоченная Маргарита Николаевна поедет на рынок за гусями, индейками, яблоками и мандаринами, и водитель Коля, недовольно сопя, примется таскать на кухню ящики и корзины — рождественский банкет всегда готовят сами, никаких рестораторов не нанимают, у нас все равно вкуснее!.. На усадьбе тоже все поменяется — снег укроет деревья

и кусты старой сирени, станет просторно и свободно, дворник Степан каждое утро будет ширкать своей лопатой, расчищая дорожки и площадку перед гаражом. С чердака достанут лыжи — Анна Иосифовна любила по воскресеньям прокатиться с горочки, пройти ельником над речкой Ламой и чувствовала себя при этом юной северной красавицей. Любила вернуться домой, позвать собаку Боню, набегавшую на морозе, и всласть напиться чаю в коротких розовых зимних сумерках, не зажигая света.

Ах, как все было бы прекрасно, если бы не события, изменившие привычный, уютный, хорошо устроенный мир!..

Впрочем, все наладится, Анна Иосифовна была в этом уверена. В жизни попадались задачки и посложнее, и она решала их точно так же, как отражала удары, — молниеносно и точно. Как кобра.

Она еще посмотрела в окно, поправила белоснежную манжету с бриллиантовой запонкой, потом кликнула Настю и велела принести кофе.

Алекс помедлил некоторое время и позвонил. Мелодичные трели побренчали и затихли, и ни звука.

Никакого движения за старой двустворчатой дверью. Он постоял, прислушиваясь.

В подъезде старинного дома на Покровке было тихо и глухо, как в аквариуме, будто и не существовало за стенами многомиллионного, шумного, изнемогающего от пробок города!.. Здесь были неохватная мраморная лестница, истертая множеством ног и застеленная ковровой дорожкой, решетчатая клетка лифта — чтобы попасть внутрь, следовало потянуть чугунную ручку, и лифт озарялся слабым желтым светом. На площадке в кадке рос «щучий хвост», а на широких подоконниках кудрявилась провинциальная уютная герань.

Вот это дом так дом!..

Везет ему в последнее время на дома и их хозяев.

— Вы кто? — из воздуха вдруг материализовался странный механический голос, Алекс вздрогнул и уронил телефон, глухо стукнувшийся о ковровую дорожку.

Он нагнулся и поднял его.

— Вы кто?! Вы куда пропали?! Я вас не вижу!..

Он помолчал. Шевельнулись и замерли его змеи — старый душный удав и молодая стремительная кобра.

...Я ненавижу всех, кто задает мне этот вопрос. Я больше не могу на него отвечать! Не могу и не хочу!..

...Никто не виноват в том, что ты неврастеник. Ты неврастеник, и ты никто. Так что — вперед!..

— Меня зовут Александр Шан-Гирей, — затанул он куда-то в сторону, — и мы договаривались о встрече с Мариной Алексеевной.

В воздухе как-то неопределенно и с сомнением хрюкнуло, и неведомый голос произнес:

— Спрошу.

И все пропало.

Потом вдруг загремели какие-то цепи, защелкали замки, ударила и смолкла музыка, за спиной проехал лифт, и Алекс на него оглянулся.

Дверь квартиры распахнулась.

Перед ним предстала писательница Марина Покровская в мятой майке — белые, почти вытертые буквы «Divided we'll stand» на синем фоне оказались прямо перед его носом. Писательница была значительно выше его ростом.

— Проходите! — пригласила она и сделала широкий жест. — Извините, что заставила ждать, у меня музыка грохочет, а еще я пишу, а когда я пишу, то ничего не слышу, а Викуся просто так заехала, и я ей не сказала, что вы должны приехать, но вы приехали, да еще вовремя, а вот я никогда и никуда не могу приехать вовремя!

Все это она выпалила разом, повернулась к Алексу спиной и пропала.

— Да вы проходите, — позвал откуда-то другой голос. — Не обращайтесь внимания. Она сейчас вернется.

— Здравствуйте, — наугад поздоровался Алекс.

В огромной прихожей горели все лампы, он даже зажмурился на секунду — слишком много света после аквариумной полутьмы подъезда!

— А что, на улице опять дождь?..

Светская беседа началась неудачно — собеседницу он не видел, зато вешалка, представшая перед глазами, сразила Алекса наповал. Огромная, раскидистая, как дуб, на львиных лапах, с чугунной корзиной для зонтов у основания. Вместо бархатного берета с соколиным пером и шпаги, что было бы уместно, на ней болтались невразумительная курточка и какой-то розовый плащ, а в корзине валялся портфель, довольно потасканный, с разъявленной крышкой, похожий на лежащую на боку уставшую собаку с высунутым языком.

— Она нам досталась от моей мамы, — миниатюрная женщина возникла откуда-то из глубин квартиры, — я имею в виду это произведение. — Она кивнула на вешалку. — Представляете, я хотела ее выбросить, а Маня — ни за что!..

— Такие вещи нельзя выбрасывать, — помедлив, сказал Алекс.

— Да видели бы вы, в каком она была состоянии!.. Эти бараки на Соколе! Вы помните бараки, молодой человек?..

— Викуся, отстань от него! Не помнит он никаких барачков.

Писательница Покровская вырулила в прихожую, согнулась вдвое и обняла женщину за плечи — Алексу показалось, что сейчас она посадит ее на ладонь, как Гулливер лилипута.

— Это моя тетя. Мы все зовем ее Викуся, хотя на самом деле она Викторина Алексеевна!..

— Тетя? — пробормотал Алекс.

— А что такое?..

Алекс не мог признаться в том, что эта парочка выглядит уж слишком комично, но, кажется, Покровская и так поняла.

— Ну, во всяком случае, не дядя, — заявила она, чмокнула Викусю и распрямилась.

— Манечка, я пойду. Не забудь предложить гостю кофе.

— Не забуду.

— Там свежий хлеб и колбаса краковская.

— Поняла.

— И еще торт, ореховый, как ты любишь. Вечером обязательно мне позвони! И не сиди до ночи за компьютером. И не кури много, — хлопотала Викуся.

— Тетя — дивное существо! — провозгласила Покровская, закрыв за ней дверь. — Черт, откуда это?..

— Из «Покровских ворот».

— Точно. Пойдемте в кабинет? Или сразу на кухню за краковской колбасой?.. Впрочем, кухня так себе. Здоровая, конечно, но неудобная, и окно немножко на соседнюю стену приходится! Света почти нет. Когда эти дома строились, предполагалось, что в кухне должна метаться кухарка, а господа в гостиной кушать чай, оттопырив мизинцы. А потом случился весь этот конфитюр, в смысле революция, и все переменялось!

Алекс смотрел во все глаза: высоченные потолки, крашенные стены — никаких обоев! — тяжелые полосатые кресла, вытертая ковровая

оттоманка, а на ней книжка страницами вниз, торшер на латунной ноге с нефритовым шариком, выпуклые пугови электрических выключателей, льняные занавески на белых двустворчатых дверях.

Как ни странно, хозяйка в мятой майке с иностранными буквами и джинсах с дыркой на коленке выглядела неотъемлемой частью этого невесть как уцелевшего мира. В том, что мир на самом деле каким-то волшебным образом уцелел, а не придуман «по мотивам» неким продвинутым дизайнером, у Алекса сомнений не возникло.

— Вы не удивляйтесь, — посоветовала Покровская. — Квартирка не куплена на гонорар от последнего романа. Даже если бы я писала по роману в день, мне на такую все равно не хватило бы! Это прадедушкина квартира. Здесь бабушка родилась. А папа уже на Соколе, в бараках, о которых толковала Викуся. Викуся — папина сестра.

В кабинете было точно так же — тяжелая мебель, молочная люстра на длинных цепях, громадный турецкий ковер на полу, и легкомысленный ноутбук на крытом зеленым сукном столе с массивными тумбами, и новейшая стереосистема, втиснутая в антикварный комод, и чугунные батареи с завитушками, дышавшие ровным уютным теплом.

— Вам повезло, — Алекс провел пальцем по выцветшим чернильным пятнам на сукне. Сколько лет назад пролили чернила на этот самый стол? Пятьдесят?.. Или, может, сто?.. — Не каждому удастся пожить в квартире прадеда.

— Да и мне бы не удалось, — Покровская пожала плечами. — В революцию, ежу понятно, всех уплотнили, здесь даже по тем временам была какая-то чудовищная коммуналка, душ на сорок, наверное!.. Ну а потом выяснилось, что Советской России нужны аэропланы, и всех обратно разуплотнили.

— Из-за аэропланов?!

— Ну, прадед был авиаконструктор! — Она вздохнула, как будто удивляясь его тупости. — Знаменитый. Его сгоряча чуть было не расстреляли, но потом кто-то сообразил, что аэропланы-то сами собой уж точно ниоткуда не возьмутся! В смысле, без прадеда. И его передумали расстреливать, и отсюда всех пролетариев выперли взашей, а его оставили.

— Вот это да, — сказал Алекс от души. — Вот это история.

Она сверху посмотрела на него.

— Ну да. Прадед по какому-то недоразумению в двадцатых годах не уехал с Сикорским в Америку, остался здесь. Они вообще очень

дружили. Только Сикорский строил тяжелые самолеты, вот «Илья Муромец», к примеру, самый знаменитый, а прадед — истребители. А когда началась война в Испании, эти истребители расколошматили весь немецкий люфтваффе! И сбивали «мессершмитты» как нечего делать!.. У нас с появлением его истребителей вдруг образовалось полное превосходство в воздухе — а все потому, что прадеда своевременно не расстреляли!..

Она уселась за стол и подпернула штанину, так чтоб не было видно дырку.

— И фильм этот знаменитый! Ну, где Крючков и Меркурьев, помните?.. «Небесный тихоход!» «Я думала вы ас, а вы У-2-с?!» Этот женский полк воевал как раз на его самолетах, только в конце войны они уже назывались не «У-2», а «По-2». Их все немцы до смерти боялись. Потому что они летали медленно и низко и бомбили прицельно, а «мессеры» все мазали, у них же скорость в разы выше...

— Позвольте, — перебил Алекс, — а как фамилия вашего прадеда?..

Она удивилась.

— Поливанов. Как и у меня. И мне дико, что я придумываю детективы за столом, где прадед придумывал истребители!.. Я все время сравниваю, понимаете?.. И все время получается, что занимаюсь какой-то фигней.

— Ну да, — пробормотал Алекс себе под нос. — Поливанов. Конечно.

— А бабушка вышла замуж за «недостойного»!.. Правда, он был не пролетарий, а инженер, но все равно из «новых», и прадед с прабабкой до конца жизни называли его на «вы» и исключительно по имени-отчеству. А бабушка гордая была, вот и съехала отсюда в барак!

— Значит, вы тоже не та, за кого себя выдаете, — произнес он задумчиво. — Вы вовсе не Покровская, а Поливанова и родом из знаменитой семьи.

Спохватился и замолчал.

— Покровская — псевдоним, — сказала она осторожно. — Я живу на Покровке, все очень просто! В непосредственной близости от Покровских Ворот! И почему я... не та, за кого себя выдаю?! Я — это я, автор второсортных детективных романов!

— Второсортных?

— Все детективы второсортны! — отрезала писательница Покровская-Поливанова. — Если бы я написала «Муму», тогда моя фамилия

была бы Тургенев и я была бы настоящим писателем. Колбасы хотите?.. Краковской? Викуся очень ее рекламировала!

Пока она возилась на кухне, он все осматривался — удивительная квартира! Вышел в коридор и поизучал книжные полки, начинавшиеся на уровне его ботинок и терявшиеся в невообразимой высоте, где-то под потолком. Развеселившись окончательно, зажмурился и вытащил наугад толстый, насмерть зачитанный том в коричневой плотной обложке.

Интересно, какую книгу в этой семье зачитали почти до дыр, так что едва держится некогда упитанный и солидный переплет?..

Ну что?.. Лев Толстой, сыщицкие приключения, «Княжна Джаваха» Чарской или Александр Солженицын в каком-то там очередном круге?

Алекс открыл глаза и глянул.

Жуковский Н. Е., «О присоединенных вихрях», 1905 год.

Как хорошо.

— Are you with me? Nothing to trust in. You have the answers. What are the questions? — громко распевала на кухне хозяйка.

Он втиснул на место увесистый том.

Интересно, у нее тоже чашки тончайшего китайского фарфора и пирожки в плетеной корзинке, укрытой теплой салфеткой?.. Или, наоборот, толстые, самодовольные белые американские кружки с сердцами и надписями «I love you» и наспех нарезанный вчерашний хлеб?..

Она показала на пороге, толкнув задницей дверь, и Алекс перехватил тяжеленный поднос. На нем не было вовсе никаких чашек, зато позвякивали в серебряных подстаканниках чистые стаканы, и лимон истекал соком на серебряной тарелочке, и конфеты в памятных с детства обертках, и та самая колбаса, пристроенная очень аппетитно, как-то так, что Алексу сразу захотелось есть, и он понял: в доме авиа-конструктора Поливанова ему будет вкусно, просто, и можно ничего не стесняться и танцев не танцевать.

Как давно он ничего не делал... «просто»!

Они чинно уселись в гостиной, с краю громадного стола, за которым, должно быть, умещалось человек двадцать гостей, и писательница объявила, что он может называть ее Маней.

— Прошу прощения, что не узнал вас тогда, дома у Екатерины Петровны. Должен был бы...

Она щедро выложила колбасу на хлеб, полюбовалась, добавила еще круг и протянула Алексу. У нее были длинные пальцы без всякого маникюра и узкая, совсем девичья кисть.

— Дома у Екатерины Петровны никто никого не узнавал! Мы все в обмороке были. — Себе она тоже соорудила бутерброд и смачно откусила. — А вас-то чего туда принесло? Ну, нас она позвала — в годину лишений и испытаний, — а вы?..

— Я просто хотел с ней поговорить. — Он улыбнулся. Маня очень ему нравилась. — Я и с вами хочу поговорить.

— Говорите! — разрешила Поливанова. — Вам с лимоном?

— Расскажите мне про Веселовского.

— Тю!.. — Она поставила чайник на литую чугунную подставку и воззрилась на Алекса. — Вспомнила бабушка первую ночь. Зачем он вам сдался?..

— Правда, что его уволили из издательства после какой-то истории с вашей подругой?..

Поливанова аккуратно пристроила бутерброд на тарелку и крошечной, жесткой от крахмала салфеткой стряхнула крошки со своих необыкновенных пальцев.

— Да, — задумчиво сказала она. — История. Ничего особенного. Она любила его, а он любил родину, только и всего.

Алекс молчал, ожидая продолжения.

— Может, вся фишка в том, что она его на самом деле любила. Ну, по крайней мере, мне так казалось. А может, просто слишком долго ждала принца. Хоть какого-нибудь! Ведь не у всех получается, понимаете?.. — Она распрямилла плечи. — У Кати не получается, у меня вот тоже ничего не получается!.. А это тяжело, особенно когда становится очевидно, что скоро на пенсию, а перспектив никаких — ну, в этом смысле!

— И у меня не получается, — невесть зачем признался Алекс. — Совсем.

— Мальчикам проще, чем девочкам.

— Откуда вы знаете? Вы разве когда-нибудь были мальчиком?

Она хмыкнула:

— Так принято считать. А что? Не проще?..

— Думаю, всем одинаково.

— Ну, — жестко сказала писательница Поливанова, — по крайней мере, ни одна ваша возлюбленная не может заставить вас сделать аборт. Ведь не может?..

— Никто никого не может заставить!..

— Да бросьте! Конечно, может. Или вы ничего не знаете о жизни!.. Или вы никогда не попадали в зависимость, такую, из которой не вырваться! Да и неохота выбираться. И точно известно, что в тот момент, когда зависимость кончится, кончится и жизнь, потому что ничего не надо... вне объекта. Совсем ничего, понимаете?..

Она взъерошила короткие волосы, и без того торчавшие в разные стороны.

— И Катька пропала! Когда он пришел на работу и у них все началось, это было так красиво, так правильно! Ну, как и должно быть. Не в смысле сахаринного мармелада, иди сюда, дай я тебя поцелую, а в смысле — вот и кончилось вселенское одиночество и ненужность! И во Франкфурт на ярмарку они вместе летали, и к Анне Иосифовне на дачу ездили!.. Интересов общих тьма, и всегда есть о чем поговорить. И всякое такое.

Она скривилась и отхлебнула чаю. Алекс молчал.

— Ну а потом был аборт — вроде рано ребенка, не ко времени, давай подождем, поживем для себя. Эти песни нам известны. Чего там рано, всем за тридцать, у всех зарплаты-квартиры-машины!.. — Она махнула рукой. — Уж какие есть, но ведь есть же, под мостом никто не спит и в общежитии не прописан. Но ребенка все-таки нужно было истребить, и его истребили. А потом оказалось, кстати, вскоре после аборта, что от него параллельным курсом еще какая-то дура забеременела, и вот там как раз ребенок будет, уже на подходе совсем. А двоих, да от разных баб, ему не надо, еще бы! А у Кати как раз в это время мама умерла, и в общем... — тут писательница Поливанова вскочила, сказала, что ей нужно подогреть чайник, и ушла.

Когда вернулась, нос у нее был совершенно красный.

— Вот даже мне тяжело, — сказала она с сердцем. — До сих пор тяжело! А ей каково?.. Конечно, она когда его в «Чили» увидела, так и закатила истерику на все издательство, ничего в этом нет ни стыдного, ни ужасного. Хотите, горячего добавлю?.. — Она взялась за чайник и понурилась. — Хоть бы малыш остался. А так... ни мамы, ни ребенка. Никого и ничего. Только сознание, что все это время рядом было чудовище. Мерзкое, скользкое, подлое и вонючее.

— Не плачьте, Маня.

— Да ладно! — Она шмыгнула носом, выхватила салфетку и стала яростно тереть свой многострадальный нос. — И как его в издатель-

ство-то пустили, непонятно! У него сама Анна пропуск отобрала и охранникам сказала, чтобы ноги его не было в «Алфавите»!

Она швырнула салфетку на стол и стала маленькими глотками пить чай, быстро-быстро.

— Его уволила Анна Иосифовна?

— А он сам и не ушел бы! Что такого-то?! Ну, амурничал с одной, потом на другую перекинулся, подумаешь, фунт изюму!.. И для здоровья хорошо, и для карьеры. Катя девушка неглупая, к начальству близкая, успешная, вдвоем они большая сила! Он и не понял ничего, поверить не мог, что его всерьез выставят, да еще почти с «волчьим билетом»!

— Что это значит?

— Да ничего не значит. Конечно, по статье его никто увольнять не стал, Анна ни за что бы не решилась на открытый скандал, даже если бы придумали какое-нибудь «служебное несоответствие», но у нас ведь работа очень специфическая, правда?..

Алекс кивнул, понятия не имея, какую именно работу она имеет в виду.

— Все друг друга знают — авторы издателей, издатели книготорговцев, книготорговцы оптовиков, и так по кругу!.. Я сама не слышала, конечно, но говорят, Анна пообещала, что работать в издательском бизнесе этот ферт никогда больше не будет. Это на самом деле очень просто сделать! Всего пару звонков Олегу Голикову, это издательство «Эсно», Льву Моисеевичу из «ТАС», ну, и Леденевой Марине, которая — книжный магазин «Москва»! Она очень уважаемый человек в отрасли. И готово дело. Никто никогда никуда не возьмет.

— И где сейчас Веселовский?

— А в колбасе! Чего вы смеетесь? На колбасной фабрике, клянусь вам! То ли в отделе маркетинга, то ли в кадрах, что-то в этом роде. И может быть, вот эта самая колбаса, — провозгласила она ни с того ни с сего, — произведена при непосредственном участии подлого, мерзкого и вонючего чудовища!..

Маня выбрала на тарелке кусок потолще и отправила его в рот с мстительным видом.

— А вы чего, расследование ведете, что ли? — спросила она, прожевав. — Вот только не врите сейчас, что вы, как новый человек в издательстве, знакомитесь с обстановкой! Врать мне нельзя. Во-первых,